

турной и археологической точки зрѣнія“ и уже только послѣ всего этого переходитъ, наконецъ, къ вопросу, съ котораго бы слѣдовало начинать изслѣдованіе—„о письменахъ еврейскаго библейскаго текста“, съ чего обычно и начинаютъ другіе авторы, аналогичныхъ съ нимъ трудовъ, напр. *Eug. Savoureux. Etudes historiques et exegetiques*“ Paris 1887. и *Th. H. Weir „A short history of the hebrew Text of the Old Testament“* London 1907. (См. въ особенности chapter I: „Earliest form of writing in Israel“ и ch. II: The two hebrew scripts“). Словомъ, авторъ черезчуръ усердно проводитъ свой принципъ о *regelmässige Regellosigkeit* и какъ бы намѣренно перетасовываетъ всѣ отдѣлы, разрывая ихъ естественную, предметно-логическую связь и вклинивая между ними гетерогенные отдѣлы (напр. между двумя сродными отдѣлами: „изъ исторіи библейскаго свитка“ и изъ „исторіи матеріала для письма“ вставлены два чуждыхъ имъ отдѣла: „поля библейскихъ рукописей“ и „незаписанная масора“). Такая путаница въ размѣщеніи отдѣловъ произошла, на нашъ взглядъ, отъ того, что у автора нѣтъ одной, объединяющей матеріаль идеи, которая служила бы руководящимъ принципомъ его изслѣдованія. Въ работахъ этого типа можно идти двоякимъ путемъ: или путемъ историко - археологическимъ, т. е. исторически прослѣживать по періодамъ и вѣкамъ процессъ постепеннаго образованія библейскаго свитка, или же путемъ филологическимъ—грамматическимъ, т. е. филологически анализировать самыя мазоретскія текстъ и относящуюся къ нему раввинскую литературу, съ цѣлью вскрыть вышеназванный процессъ и освѣтить его различные моменты. Нашъ авторъ примѣняетъ оба эти пути въ своемъ изслѣдованіи, хотя видимо отдастъ предпочтеніе послѣднему, отличаясь въ этомъ отношеніи напр. отъ Weir'a, держащагося историческаго метода. Но и усвоенный авторомъ методъ изслѣдованія открывалъ бы ему полную возможность болѣе систематичнаго расположенія матеріала, не только безъ всякаго ущерба для дѣла, но наоборотъ-бы съ большой пользой для него. Самымъ цѣлесообразнымъ, по нашему мнѣнію, было бы раздѣленіе всего обширнаго изслѣдованія автора на *два* главныхъ части: одну—касающуюся *внѣшней* стороны книжнаго библейскаго свитка, другую—относящуюся до его *внутренней* стороны. Къ первой изъ этихъ частей мы отнесли бы слѣдую-

шіе отдѣлы и размѣстили бы ихъ въ такомъ порядкѣ: 1) письмена еврейскаго библейскаго текста, (добавивъ его изслѣдованіями изъ области древнѣйшей семитической эпиграфики), 2) древне-еврейскіе авторы и переписчики, 3) изъ исторіи матеріала для письма, 4) изъ исторіи библейскаго свитка, 5) книжный митпахать и аронъ. Вторую часть мы расположили бы въ такомъ видѣ: 1) незаписанная масора, 2) поля библейскихъ рукописей, 3) заглавіе библейскихъ книгъ съ литературной и археологической точки зрѣнія, 4) измѣненіе размѣра буквъ и ихъ формы, 5) конечныя буквы, 6) перевернутый нунъ, 7) висячія буквы—телуיותъ, 8) изъ исторіи аббревіатуры, 9) дѣленіе словъ и 10) заключительный отдѣлъ—отношеніе в.-з. библейскаго свитка къ стереотипному тексту.

Мы не ввели въ этотъ перечень еще четыре начальныхъ отдѣла—о соферимахъ, которые образуютъ у автора нѣчто цѣлое, представляющее особую, самостоятельную часть его работы. Признаться, намъ неясны тѣ мотивы, которыми руководился авторъ при видимо намѣренномъ выдѣленіи трактата о соферимахъ. Съ своей стороны, мы не находимъ особыхъ основаній для такого выдѣленія и весь матеріалъ этого отдѣла предпочли бы видѣть частію размѣщеннымъ въ другихъ, параллельныхъ съ нимъ отдѣлахъ (напр. „незаписанная масора“, „поля библейск. рукописей“, „письмена еврейскаго библейскаго текста“ и др.), частію же сокращеннымъ въ двѣ главы, изъ которыхъ одна—древне-еврейскіе авторы и переписчики—съ удобствомъ бы вошла въ первую часть изслѣдованія, приблизительно подъ второй цифрой, другая—о соферимахъ, какъ пунктаторахъ и критикахъ—была бы вполне умѣстна во второй части, въ самомъ ея началѣ. Впрочемъ, быть можетъ, такая ломка тяжела для сочиненія и тогда лучше, разумѣется, ея не производить; но при ней, несомнѣнно, сочиненіе смѣло бы выиграло въ смыслѣ единства плана и стройности своей структуры.

Дефекты плана, болѣе или менѣе, даютъ о себѣ знать и въ частныхъ отдѣлахъ обширнаго и разносторонняго труда автора. Преобладающими недостатками здѣсь являются: потеря главной нити изслѣдованія, уклоны въ сторону и загроможденіе основного матеріала посторонними, случайными подробностями, скачки мысли, или вообще, недостаточно моти-

вированные переходы, нерѣдко повторенія одного и того же, по мѣстамъ, неясность, неопредѣленность и даже какъ бы противорѣчіе во взглядахъ. Хорошей иллюстраціей сказаннаго можетъ, напр. служить отдѣлъ „изъ исторіи библейскаго свитка“,—одинъ изъ самыхъ большихъ по объему и наиболѣе пестрыхъ по своему составу. Въ немъ авторъ сначала говоритъ о внѣшнемъ видѣ библ. списка — въ формѣ скрученнаго свитка и описываетъ самыя подробности этого книжнаго вала, изслѣдуетъ форму школьныхъ библейскихъ фрагментовъ, по аналогіи съ таковыми же, употреблявшимися у народовъ классическаго міра, затѣмъ онъ переходитъ къ рѣчи о внѣшнихъ размѣрахъ книжнаго свитка, останавливается на спеціальному вопросу о сліяніи 12 малыхъ пророковъ въ одинъ томъ, говоритъ о пятичастномъ дѣленіи Торы, излагаетъ любопытную судьбу свитка первыхъ пророковъ и выясняетъ принципы самаго размѣщенія всѣхъ библейскихъ книгъ въ общемъ свиткѣ ихъ; затѣмъ, онъ снова возвращается къ прерванной рѣчи о размѣрахъ библейскаго свитка, говоритъ о миниатюрномъ письмѣ, упоминаетъ о раввинѣ Меирѣ, какъ выдающемся соферѣ, рѣшаетъ вопросъ о позволительности фрагментарнаго извлеченія изъ свитка, для школьныхъ и богослужебныхъ цѣлей; непосредственно за этимъ, безъ всякаго мотивированнаго перехода, авторъ начинаетъ говорить о томъ, что производителями (?) священныхъ письменъ могли быть и язычники, упоминаетъ объ одномъ изъ нихъ — о какомъ то анонимномъ гоѣ изъ Сидона и вообще говоритъ объ отношеніи язычниковъ къ Библии. Затѣмъ, авторъ снова возвращается къ вопросу объ объемѣ свитка священныхъ книгъ, а также и къ самому первому вопросу даннаго отдѣла—о внѣшнемъ видѣ рукописи, говоритъ о своеобразныхъ приемахъ „запечатыванія“ книгъ у евреевъ, подробно изслѣдуетъ любопытный обычай „генизы“; непосредственно же вслѣдъ за этимъ, совершенно безъ всякаго понятнаго перехода мыслей, онъ начинаетъ говорить о томъ, какъ шли строки въ древнемъ свиткѣ, какія получались при этомъ колонны, описываетъ самый *modus scribendi*, говоритъ о разграниченіи отдѣльныхъ словъ, строкъ и цѣлыхъ книгъ, изслѣдуетъ число колоннъ, описываетъ ихъ ширину и высоту, подробно рассуждаетъ о количествѣ буквъ въ строкѣ библ. текста, и въ заключеніе

отдѣла снова, на этотъ разъ гораздо полнѣе, говорить о ливаніи (117—181 стр.). Какъ видно отсюда, авторъ къ основной темѣ отдѣла—о внѣшнемъ видѣ библейскаго свитка—присоединилъ такъ много другихъ побочныхъ вопросовъ, что у него, по нѣмецкой пословицѣ, изъ-за множества деревъ почти не видно лѣса. Все, что онъ говоритъ здѣсь, быть можетъ и очень важно и интересно, но многому изъ этого мѣсто или въ другихъ, специальныхъ отдѣлахъ (напр. хотя бы въ рѣчи о составѣ и раздѣленіи библ. свитка), или только въ подстрочномъ примѣчаніи. По поводу послѣдняго пункта надо, вообще, замѣтить, что авторъ слишкомъ скупъ на примѣчанія: въ нихъ онъ помѣщаетъ исключительно лишь цитаты изъ разныхъ источниковъ и пособій. А между тѣмъ было бы весьма цѣлесообразно, если бы авторъ раздвинулъ рамки нижняго этажа диссертациі и перевелъ въ него значительную часть своего чернового матеріала. Этимъ онъ избавилъ бы свое изслѣдованіе отъ излишняго ученаго балласта и одновременно получилъ бы возможность сохранить и даже, если угодно, увеличить свой ученый аппаратъ, безъ опасенія загромоздить основной текстъ самаго изслѣдованія.

Нельзя не сдѣлать и болѣе общаго замѣчанія, что работа автора, съ ея внѣшней, формальной стороны, позволяетъ желать болѣе тщательной отдѣлки. Она производитъ впечатлѣніе почти механическаго соединенія отдѣльныхъ самостоятельныхъ экскурсовъ; каждый изъ нихъ, взятый самъ по себѣ, быть можетъ и достаточно обработанъ; но будучи помѣщены вмѣстѣ, въ одно цѣлое изслѣдованіе, они не приведены къ единству системы, не пригнаны другъ къ другу и въ этомъ смыслѣ недостаточно обработаны. Между прочимъ, именно этимъ мы объясняемъ случаи довольно нерѣдкихъ повтореній у автора, напр. о высокомъ почтеніи къ Торѣ и левитской нечистотѣ при прикосновеніи къ ней авторъ, по разнымъ поводамъ, говоритъ не меньше пяти разъ (23—24, 149, 236, 257, 275), о дѣленіи Торы, Тегиллимъ и всего книжнаго свитка даже до шести разъ (19 — 20, 126 — 133, 296 — 302, 314—318, 321, 325).

Иногда у него эти повторенія какъ бы принимаютъ даже характеръ противорѣчій: напр. на стр. 166-й онъ довольно категорично заявляетъ „о различеніи библейскаго текста отъ

обыденнаго письма“, а на страницѣ 248 не менѣе опредѣленно говорить, что у теократически настроеннаго еврейскаго народа вся письменность была религіозной и слѣдовательно не было мѣста различію между священнымъ и обычнымъ письмомъ. Равнымъ образомъ на стр. 253-й авторъ говоритъ объ упорномъ стабилизмѣ и глубочайшемъ сепаратизмѣ еврейскихъ раввиновъ, заставлявшемъ ихъ чуть не китайской стѣной отгораживаться отъ проникновенія къ нимъ чуждыхъ вліяній иноземной культуры; а между тѣмъ и раньше этого (10 стр.) и позже авторъ постоянно упоминаетъ о заносѣ въ среду евреевъ культурныхъ вліяній отъ окружающихъ ихъ языческихъ народовъ. На страницѣ же 395-ой онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ заявляетъ, что „почти всѣ слова, входящія въ область искусства письма, заимствованы раввинами у народовъ классическаго міра“. Мы, разумѣется, далеки отъ мысли, чтобы серьезно обвинять автора въ такихъ элементарныхъ противорѣчійхъ; но во всякомъ случаѣ признаемъ, что по мѣстамъ онъ недостаточно ясно и осторожно выражался, чтобы никому не давать даже и поводовъ такъ думать о себѣ.

Неправильность размѣщенія отдѣловъ сочиненія и недостаточность ихъ внѣшней обработки имѣли своимъ слѣдствіемъ и еще одинъ новый дефектъ, состоящій въ томъ, что авторъ нерѣдко употребляетъ спеціальныя техническія термины и даже цѣлыя выраженія, раньше выясненія ихъ значенія и смысла, чѣмъ, разумѣется, серьезно затрудняетъ пониманіе его, и безъ того далеко нелегкой, работы. Такъ, напр. въ самое же начало своего изслѣдованія онъ вводитъ цѣлый рядъ такихъ спеціальныхъ терминовъ, какъ „митпахать“ „гениза“ (2 стр.), „каламось“, „соферъ“, „центоны“ (4 стр.) „древняя меруба“, „аронъ“ и др. (25 стр.), значеніе которыхъ онъ будетъ обстоятельно выяснять лишь гораздо позднѣе, въ особыхъ отдѣлахъ („книжный митпахать и аронъ“—съ 257 стр. „изъ исторіи матеріала для письма“—съ 207 стр. „письмена евр. библ. текста“—съ 330 стр. и др.). На стр. 26-й мы читаемъ у него даже цѣлую темную фразу—„при разсѣянности въ отношеніи азкаругъ приходилось генизовать всѣ письмена“,—смыслъ которой проясняется лишь гораздо позднѣе, послѣ знакомства съ генизой и отношеніемъ къ священной тетраграммѣ. Здѣсь

же онъ отмѣчаетъ появленіе, такъ называемыхъ, „телуіотъ“, роль и значеніе которыхъ выясняетъ лишь въ концѣ своей работы, въ специальномъ отдѣлѣ „висячія буквы—телуіотъ“ (съ 387-й стр. и далѣе).

Пользуясь случаемъ, мы и вообще должны пожаловаться на автора, что языкъ его сочиненія слишкомъ пестритъ не только специальными грамматическими терминами („парагогическій алефъ“, „евфоническій и емфатическій песикъ“, epenthesis, „асиндетоническій типъ рѣчи“, „эпифитизмъ“, „лигатура, „метапластика, „сизигія аспирантовъ и твердыхъ звуковъ“, „метургеманъ“ и т. п.), безъ которыхъ б. м. и трудно обойтись въ его палеографической работѣ, но и такими иностранными словами, которыя легко могли бы быть замѣнены соответствующими имъ русскими („экскавация“, „девіация“, „фиксация“, „аппозиция“, „графическій тромбизмъ“, „мимація“, „диплопія“, „стратіазисъ“, „діаскевастъ“, „медіальный“ и т. п.). Въ этомъ отношеніи авторъ и самъ подпалъ тому упреку, который онъ дѣлаетъ по адресу раввиновъ, говоря буквально такъ: „при загроможденности еврейскаго школьнаго языка варваризмами, начиная съ выраженій латинскихъ и греческихъ въ своеобразной переработкѣ и кончая средневѣковыми галлицизмами и германизмами, равно не только лексическими, но и синтаксическими арабизмами и сефарадизмами, — пониманіе раввинскихъ сочиненій крайне затрудняется“ (10 стр.). То же самое, съ соответствующими измѣненіями, можетъ быть повторено и относительно его собственнаго сочиненія, откуда открывается, что авторъ усвоилъ не только достоинства, но и недостатки раввиновъ.

Чтобы закончить рѣчь о внѣшнихъ недочетахъ работы автора, позволимъ себѣ указать еще на то, что еврейскія слова и цѣлыя фразы у него не вокализированы, греческія цитаты не имѣютъ придыханій и удареній, всѣ приведенныя въ текстѣ выдержки изъ разныхъ иностранныхъ авторовъ, иногда довольно значительныя по объему (6 — 7 строкъ)—оставлены безъ перевода. Понятно, насколько все это безъ всякой нужды увеличиваетъ трудность знакомства съ работой автора и вынуждаетъ его просить объ облегченіи. Наконецъ, въ двухъ мѣстахъ намъ пришлось встрѣтиться даже съ оборванными, недописанными фразами (начало 353 стр. и 7-я строка 365 стр.).

Со стороны широты кругозора автора, полноты и основательности его изслѣдованія, мы считаемъ необходимымъ сдѣлать два замѣчанія. Первое касается его отношенія къ еврейской школѣ. Авторъ очень высокаго мнѣнія о роли міровой еврейской школы („іешибы“—4 стр.) и справедливо отмѣчаетъ, что самые „періоды въ исторіи еврейства скованы съ судьбой еврейской школы—танны, амореи, саборей, гаоны—различныя наименованія учителей закона—даютъ поводъ къ обозначенію цѣлыхъ эпохъ не только въ религиозно-интеллектуальной, но и въ общественно-политической жизни Израиля“ (7 стр.). Однако, не смотря на все это, самъ то авторъ почти ничего не сдѣлалъ, чтобы отчетливѣе и выпуклѣе представить роль „іешибы“, охарактеризовать ее по періодамъ, или даже хотя бы точнѣе опредѣлить самый смыслъ терминовъ „танны“, „амореи“, „саборей“ и др.

Второе, еще болѣе важное указаніе, касается пробѣла сочиненія по части семитической эпиграфики. Авторъ—страстный поклонникъ раввинистической литературы: она является у него главнымъ, почти единственнымъ, первоисточникомъ, изъ котораго онъ черпаетъ много и обильно, не брезгая и такими мелочами, какъ, напр. курьезы античной графики (229—230 стр.), или фокусничество каллиграфа Баръ - Камдерь, упоминаемаго въ трактатѣ Јома 3, 11 (38в.—стр. 28-я). Но совершенно иначе относится нашъ авторъ къ другому, правда, гораздо болѣе скудному, но за то и болѣе авторитетному первоисточнику—къ даннымъ древнѣйшей семитической эпиграфики. О нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ не упоминаетъ вовсе (напр. о надписи на статуѣ Ваала Ливанскаго, о стеллѣ Карпентра, о надписи на гробницѣ финик. царя—Тэбнитъ и пр.); о другихъ, если и говоритъ, то какъ то вскользь, отрывочно, разбросанно и вообще настолько неудовлетворительно, что имѣющіяся у него блѣдныя данныя общесемитич. эпиграфики совершенно теряются и тонутъ въ мутныхъ волнахъ раввинистической литературы. А между тѣмъ и по своей глубокой древности, и по своей высокой, монументальной авторитетности, они заслуживали бы къ себѣ совершенно иного, самаго серьезнаго и внимательнаго отношенія со стороны нашего автора. Въ этомъ смыслѣ назидательный урокъ ему преподаютъ такіе авторитетные гебраисты, какъ извѣстный уже намъ Weir и Driver (Notes on

the hebrew Text of the Books of Samuel“ Oxford 1890), которые данныя семитической эпиграфики кладутъ во главу своихъ изслѣдованій и предпочтительно на нихъ базируютъ свои выводы.

Въ качествѣ заключительнаго дезидерата, считаемъ весьма небезполезнымъ выразить автору пожеланіе, чтобы онъ снабдилъ свое сочиненіе, болѣе или менѣе, подробнымъ оглавленіемъ и предметнымъ указателемъ. Послѣдній особенно необходимъ, въ виду своеобразныхъ свойствъ сочиненія, затрудняющихъ самое пользование имъ: обширности круга предметовъ, разнообразія и пестроты матеріала и фрагментарности его обработки.

Въ послѣднемъ словѣ своего отзыва считаемъ долгомъ совѣсти заявить, что всѣ отмѣченные нами дефекты сочиненія г. Воронцова нисколько не колеблютъ сдѣланной нами выше, весьма лестной его оцѣнки. Почти всѣ они относятся къ внѣшней сторонѣ дѣла и допускаютъ возможность устраненія ихъ при послѣдующемъ напечатаніи представленной рукописи. Самъ же ученый авторъ труда, по нашему твердому убѣжденію, не только вполне заслужилъ искомой имъ степени магистра богословія, но и далъ блестящее доказательство того, что и среди русскихъ гебрантовъ есть ученые, стоящіе на высотѣ западно-европейскаго уровня науки“.

Справка: 1) § 31 Положенія объ испытаніяхъ на ученія степени: „Сочиненіе, представленное на степень магистра богословія и признанное удовлетворительнымъ, должно быть напечатано, но въ Совѣтъ Академіи для разсмотрѣнія оно можетъ быть представлено и до напечатанія, въ рукописи четкой и чистой“.—2) По § 81 лит. а п. 10 устава духовныхъ академій 1884 года „одобреніе къ напечатанію сочиненій, писанныхъ на соисканіе ученыхъ степеней“, значится въ числѣ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.

Опредѣлили: Дозволить г. и. д. доцента Академіи Е. А. Воронцову печатать его диссертацию на степень магистра богословія.—Сужденіе о коллоквиумѣ имѣть по представленіи г. Воронцовымъ Преосвященному Ректору Академіи 65 экземпляровъ напечатанной диссертации.

VII. Прошение на имя Преосвященнаго Ректора Академіи Омскаго епархіальнаго наблюдателя священника *Димитрія Садовскаго*:

„Препровождая вмѣстѣ съ симъ особою посылкою на имя Совѣта Академіи магистерскую диссертацию свою (вмѣсто прежняго экземпляра, затребованнаго мною обратно прошениемъ отъ 19 ноября минувшаго 1908 года) подъ заглавиемъ: „Блаженный Августинъ, какъ проповѣдникъ. Ч. I. Обзоръ проповѣдническаго служенія Бл. Августина. Ч. II. Приложение.—Проповѣди Бл. Августина“ (переводъ съ латинскаго), покорнѣйше прошу Ваше Преосвященство принять эту диссертацию (въ рукописи) къ разсмотрѣнію“.

Справка: По опредѣленію Совѣта Академіи отъ 8 декабря 1899 года разсмотрѣніе магистерской диссертации священника Димитрія Садовскаго подъ заглавиемъ: „Блаженный Августинъ, какъ проповѣдникъ“ поручено было О. Инспектору Академіи Архимандриту Евдокиму (*нынѣ Преосвященному Ректору Академіи*); вторымъ рецензентомъ означенной диссертации въ томъ же собраніи Совѣта Академіи назначенъ былъ экстраординарный профессоръ по кафедрѣ патристики *И. В. Поповъ*.

Опредѣлили: Разсмотрѣніе и оцѣнку переработанной магистерской диссертации священника Димитрія Садовскаго поручить тѣмъ же лицамъ, которыя были назначены при первоначальномъ представленіи диссертации.

VIII. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что вторымъ рецензентомъ докторской диссертации бывшаго экстраординарнаго профессора Академіи *В. Н. Мышцына* подъ заглавиемъ: „Устройство христіанской церкви въ первые два вѣка“. Сергіевъ Посадъ, 1909 г., онъ назначаетъ члена Совѣта—экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ библейской исторіи *А. П. Покровскаго*.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

IX. а) Отношеніе Г. Прокурора Московскаго Окружнаго Суда отъ 5 февраля за № 1818:

„На основаніи 1091 ст. 1 ч. X т. Свод. Закон. изд. 1900 года, препровождая при семъ выписку изъ утвержденнаго къ исполненію Московскимъ Окружнымъ Судомъ духовнаго

завѣщанія дѣйств. статск. совѣтн. Алексѣя Петровича Лебедева, имѣю честь увѣдомить Ваше Преосвященство, что душеприказчикомъ по сему завѣщанію состоитъ священникъ Московскоѣ Іоанно-Предтеченскоѣ подъ Боромъ церкви Петръ Петровичъ Сахаровъ; жительство имѣетъ въ Москвѣ, Пятницкой части, 1 уч. въ домѣ указанной церкви“.

б) Выписку изъ духовнаго завѣщанія умершаго профессора Императорскаго Московскаго Университета Алексѣя Петровича *Лебедева*:

„..... 8) на учрежденіе... одной стипендіи моего имени въ Московскую Духовную Академію—восемь тысячъ р.“.—

в) Представленіе душеприказчика по сему завѣщанію—*священника* Московскоѣ Іоанно-Предтеченскоѣ, подъ Боромъ, церкви *Петра Сахарова*:

„Согласно 8-му пункту духовнаго завѣщанія профессора А. П. Лебедева, долгъ имѣю представить при семъ въ Совѣтъ Московскоѣ Духовноѣ Академіи, на учрежденіе при оной стипендіи его имени, *восемь тысячъ рублей (8000 р.)* облигациями Государственнаго внутренняго 5% займа 1905 года (одна облигация за № 318615—въ 5000 р. и три за №№ 295022, 303662 и 305699—по 1000 руб. каждая).

Справка: Представленныя священникомъ П. Сахаровымъ процентныя бумаги на номинальную сумму 8000 рублей переданы въ Правленіе Академіи и внесены на храненіе въ Московскую Контору Государственнаго Банка.

Опредѣлили: Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ учрежденіи при Академіи стипендіи имени покойнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго Университета, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Алексѣя Петровича Лебедева и объ утвержденіи нижестѣдующаго проекта положенія объ оной:

§ 1.

На проценты съ капитала, поступившаго по духовному завѣщанію покойнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго Университета, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Алексѣя Петровича Лебедева и заключающагося въ четырехъ облигацияхъ Государственнаго внутренняго 5% займа 1905 года на номинальную сумму *восемь*

тысячъ рублей (8000 р.), учреждается при Московской Духовной Академіи стипендія имени завѣщателя — профессора А. П. Лебедева.

§ 2.

Капитальъ этотъ составляетъ неотъемлемую собственность Московской Духовной Академіи и хранится вмѣстѣ съ прочими ея капиталами, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3.

Стипендія назначается Совѣтомъ Академіи ежегодно одному изъ лучшихъ по успѣхамъ и поведенію студентовъ IV курса.

§ 4.

Размѣръ стипендіи опредѣляется въ *четыреста рублей (400 р.)*, изъ коихъ установленная сумма употребляется на *годовое содержаніе стипендіата въ академическомъ общежитіи*, а остатокъ выдается ему при окончаніи курса на руки для пріобрѣтенія полезныхъ книгъ и на удовлетвореніе другихъ нуждъ.

§ 5.

Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

X. Отношенія:

а) Правленія Императорскаго Новороссійскаго Университета, отъ 20 марта за № 1038, при которомъ возвращена принадлежащая академической библиотекѣ славянская рукопись подъ № 13, высланная для научныхъ занятій проф. М. Крашенинникова.

б) Г. Предсѣдателя Симбирскаго Окружнаго Суда, отъ 24 марта за № 380, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенныхъ Совѣтомъ Академіи архивныхъ дѣлъ Симбирскаго Окружнаго Суда за №№ 15013, 33532 и 42926.

в) Г. Библіотекаря Народнаго Дома въ Львовѣ, отъ 7 апрѣля, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенной Совѣтомъ Академіи рукописи подъ № 6 и препровожденіемъ, для научныхъ занятій и. д. доцента Н. Л. Туницкаго, рукописи за тѣмъ же № 6 подъ заглавіемъ „Житія Святыхъ“.

г) Г. Прокурора Московской Святѣйшаго Синода Конторы, отъ 16 апрѣля за № 1090, съ препровожденіемъ, для научныхъ занятій и. д. доцента Н. Л. Тунницкаго, изданія Миклошича „Vita S. Clementis, episcopi Bulgarorum. Graece. Vindobone, 1847.

д) Тамбовской Духовной Консисторіи, отъ 4 апрѣля за № 6645, съ увѣдомленіемъ о продленіи и. д. доцента Академіи Д. Г. Коновалову срока пользованія дѣломъ о Тамбовскихъ хлыстахъ до мая мѣсяца с/г.

е) Правленія Минеаполиской духовной семинаріи, отъ 27 февраля за № 23, съ выраженіемъ благодарности за пожертвованное въ семинарскую бібліотеку собраніе твореній Св. Кирилла Александрійскаго и высылку академическаго журнала „Богословскій Вѣстникъ“ въ 1907 и 1908 г.г.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XI. Прошеніе студента III курса Академіи *Александра Суханова*, съ приложеніемъ медицинскаго свидѣтельства о болѣзни (*neurasthenia gravis*) о разрѣшеніи ему сдать устный испытанія по предметамъ III курса послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ августъ мѣсяцъ сего 1909 года.

Справка: Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 16 января 1891 года за № 212 Совѣту Академіи вмѣнено въ обязанность позволять студентамъ перенесеніе устныхъ экзаменовъ на послѣ-каникулярное время только въ самыхъ уважительныхъ случаяхъ и не иначе, какъ съ особаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшенія Его Высокопреосвященства.

Опредѣлили: 1) Въ виду дѣйствительно болѣзненнаго состоянія студента III курса Академіи *Александра Суханова*, разрѣшить ему сдать устный испытанія по предметамъ III курса послѣ лѣтнихъ каникулъ. 2) Постановленіе сіе представить на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

XII. а) Сданное Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „21 марта. На мнѣніе Совѣта Академіи“—прошеніе на имя Его Высокопреосвященства *священника Вознесенскаго собора г. Нижнедѣвница Виктора Тихомирова*:

„Вотъ уже два года,—какъ я живу одинъ, отправляя всѣ

пастырскія обязанности,—совершенно одинокимъ. Жена моя заболѣла неизлечимою болѣзвью (прогрессивный параличъ мозговъ) и признана врачами неизлечимою. Извѣстно Вамъ положеніе одинокаго священника въ глуши и несущаго тяготы приходской жизни. Что можетъ быть тяжелѣе, несчастнѣе круглаго безпріютнаго одиночества. Въ семействѣ у меня ровно нѣтъ никого: ни дѣтей, ни близкихъ родныхъ, у кого могъ бы отдохнуть. Такое безвыходное положеніе заставляетъ меня обратиться къ Вамъ, Ваше Высокопреосвященство, съ покорнѣйшей просьбой соблагovolить принять меня въ число вольнослушателей-студентовъ перваго курса Московской Духовной Академіи. На мѣствѣ священника я состою уже 15 лѣтъ, и имѣю отъ роду 38 лѣтъ, хотя кончилъ курсъ семинаріи по второму разряду, но надѣюсь пріобрѣсти его при поступленіи въ Академію. Я увѣренъ, что новая академическая жизнь вдохновитъ меня новыми силами, ободритъ и укрѣпитъ надеждой быть полезнымъ общественному служенію. Медицинское свидѣтельство обязуюсь представить при первой возможности полученія изъ лечебницы“.

б) Представленное священникомъ Викторомъ Тихомировымъ удостовѣреніе Воронежской губернской земской психіатрической лечебницы отъ 29 марта за № 180:

„Дано сіе удостовѣреніе священнику г. Нижнедѣвица Воронежской губ. отцу Виктору Тихомирову въ томъ, что жена его Олимпиада Ивановна Тихомирова находится на излеченіи въ Психіатрической лечебницѣ Воронежскаго Губернскаго Земства съ 7 іюня 1908 г. по настоящее время. Обнаруживаетъ Тихомирова душевную болѣзнь въ формѣ прогрессивнаго паралича и надежды на выздоровленіе не подаетъ“.

Справка: 1) Определеніемъ Святѣйшаго Синода отъ 16—21 іюня 1906 года за № 3297-а Совѣтамъ академіи разрѣшено допускать къ пріемнымъ испытаніямъ для поступленія въ число студентовъ академіи на одинаковѣхъ съ прочими поступающими въ академіи основаніяхъ лишь тѣхъ, имѣющихъ одобрительные отзывы отъ епархіальнаго начальства, *семейныхъ священнослужителей*, которые окончили курсъ ученія въ духовныхъ семинаріяхъ *по первому разряду*. 2) Согласно § 115 устава духовныхъ академій 1884 года—„Сверхъ

студентовъ могутъ быть допущены къ слушанію академическихъ лекцій и постороннія лица, по усмотрѣнію Епархіальнаго Преосвященнаго“; при чемъ указомъ Святѣйшаго Синода отъ 8 апрѣля 1902 года за № 2737 вновь подтверждено было, что таковыя лица „правомъ подвергаться переходнымъ испытаніямъ и подавать сочиненія на соисканіе ученой степени или званія не пользуются“.—3) Определе-ніемъ Совѣта Академіи отъ 14 декабря 1906 года постановлено было: „Пріемъ вольнослушателей производить впредь лишь въ началѣ cadaго учебнаго года, подвергая при этомъ лицъ, не окончившихъ полнаго курса среднихъ учебныхъ заведеній, предварительному устному испытанію по основному богословію въ предѣлахъ семинарскаго курса.

Опредѣлили: 1) Почтительнѣйше представить Его Высокопреосвященству, что, въ виду изложеннаго въ справкѣ, священникъ Викторъ Тихомировъ можетъ быть принятъ, съ начала будущаго 1909—1910 учебнаго года, лишь въ число вольныхъ слушателей академическихъ лекцій, безъ представленія ему какихъ-либо правъ въ отношеніи къ соисканію академическихъ степеней и званій.—2) Прошеніе священника Тихомирова на имя Его Высокопреосвященства приложить къ журналу настоящаго собранія.

ХІІІ. Разсуждали: О назначенія премій изъ процентовъ съ капиталовъ: а) *Митрополита Московскаго Макарія*—за лучшіе печатные труды наставниковъ Московской Духовной Академіи и лучшія магистерскія сочиненія воспитанниковъ Академіи; и б) *Епископа Курскаго Михаила*—за лучшіе печатные труды наставниковъ и воспитанниковъ Московской Духовной Академіи по Священному Писанію.

Справка: 1) Въ настоящее время въ распоряженіи Совѣта Академіи имѣются:

а) двѣ преміи Митрополита Макарія: одна въ *485 рублей*—за лучшіе печатные труды наставниковъ Академіи и одна въ *291 рубль*,—за лучшія магистерскія сочиненія воспитанниковъ Академіи, и б) двѣ преміи Епископа Курскаго Михаила—по *201 руб.* каждая.

2) Въ собраніи Совѣта Академіи 12 марта текущаго 1909 года на премію Митрополита Макарія въ *485 рублей* представлены труды заслуженнаго ординарнаго профессора

Академіи *М. Д. Муретова* („Эрнестъ Ренавъ и его „Жизнь Иисуса“), ординарнаго профессора *А. П. Голубцова* („Чиновники Московскаго Успенскаго Собора и выходы патріарха Никова“) и ординарнаго профессора *М. М. Таръева* („Жизнь и ученіе Христа. Вѣра и жизнь по Евангелію“), а къ соисканію преміи того же Митрополита Макарія въ 291 р. допущены магистерскія диссертациі доцента Академіи *А. П. Орлова* („Тринитарныя воззрѣнія Иларія Пиктавійскаго. Историко-догматическое изслѣдованіе“. Сергіевъ Посадъ, 1908 г.) и исправляющаго должность доцента (нынѣ доцента) *И. М. Громогласова* („Опредѣленія брака въ Кормчей и значеніе ихъ при изслѣдованіи вопроса о формѣ христіанскаго бракозаключенія. Выпускъ 1. Определеніе брака въ 48 гл. Кормчей (Градск. Зак. гр. 4. гл. 1“). Сергіевъ Посадъ, 1908 г.)—На премію *Епископа Курскаго Михаила* въ томъ же собраніи Совѣта представлень трудъ заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи (въ отставкѣ) *Гр. А. Воскресенскаго* („Древне-славянскій Апостолъ: посланія св. Ап. Павла къ Коринѳянамъ второе, Галатамъ и Ефесянамъ“)—

3) Правиль о присужденіи премій Митрополита Московскаго Макарія—*а) п. 2*: „Первой преміи (нынѣ въ 485 р.) удостоиваются сочиненія, составляющія значительное приобрѣтеніе или для науки вообще, или по крайней мѣрѣ для русской научной литературы, которыя могутъ быть или оригинальными изслѣдованіями, или переводами, если только для перевода избраны сочиненія важныя для науки и не малыя по объему, преимущественно сочиненія, написанныя на древнихъ языкахъ;“ *б) п. 3*: „Въ случаѣ, если въ какомъ нибудь году не окажется сочиненія, вполне удовлетворяющаго указаннымъ въ предыдущемъ § условіямъ, премія въ 500 рублей можетъ быть раздѣлена на двѣ по 250 р. (нынѣ по 242 р. 50 к.), которыя выдаются также за печатные труды, имѣющіе значительное научное достоинство, но менѣе капитальныя“.—4) По § 81 лит. б. п. 12 устава духовныхъ академій 1884 года „присужденіе премій за ученые труды на предложенныя отъ академіи задачи“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.—5) Преосвященный Ректоръ Академіи *Епископъ Евдокимъ* въ обсужденіи вопроса о назначеніи премій не участвовалъ и отъ подачи голоса по сему

дѣлу воздержался.—Заслуженный ординарный профессоръ *М. Д. Муретовъ* и ординарный профессоръ *А. П. Голубцовъ*, представленныя къ преміямъ, предъ обсужденіемъ вопроса объ ихъ назначеніи изъ собранія выбыли.

Опредѣлили: 1) Премію изъ процентовъ съ капитала Митрополита Московскаго Макарія за лучшіе печатные труды наставниковъ Московской Духовной Академіи въ 485 рублей раздѣлить на двѣ равныя части—по 242 р. 50 к. каждая—и назначить ихъ ординарнымъ профессорамъ Академіи *А. П. Голубцову* и *М. М. Таръеву*.—2) Премію изъ процентовъ съ того же капитала въ 291 р. за лучшія магистерскія сочиненія воспитанниковъ Академіи присудить доценту Академіи *И. М. Громогласову*.—3) Двѣ преміи Епископа Курскаго Михаила—по 201 р. каждая—за лучшіе печатные труды наставниковъ и воспитанниковъ Академіи по Священному Писанію—назначить г. Почетному Члену Академіи, заслуженному ординарному профессору (въ отставкѣ) *Гр. А. Воскресенскому* и заслуженному ординарному профессору Академіи *М. Д. Муретову*.—4) Постановленія сіи представить на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

XIV. Занимались составленіемъ *рописанія переводныхъ и выпускныхъ испытаній* студентовъ Академіи въ текущемъ 1908—1909 учебномъ году.

Опредѣлили: Росписаніе испытаній студентовъ Академіи представить (и представлено) на Архипастырское благоусмотрѣніе и утвержденіе Его Высокопреосвященства ¹⁾.

¹⁾ *Примѣчаніе.* При подписаніи сего журнала, четырьмя членами Совѣта сдѣлано было слѣдующее заявленіе:

„Мы, нижеподписавшіеся, считаемъ долгомъ заявить, что II статья изложена неполно и неточно. Во-первыхъ, здѣсь не приведено основаніе, коимъ заслуженный ординарный профессоръ Н. А. Заозерскій мотивировать свое предложеніе о замѣщеніи вакантной экстраординатуры И. М. Громогласовымъ. Въ качествѣ такого основанія была указана 16-ти-лѣтняя служба доцента Громогласова въ Академіи, дающая ему преимущественныя права на движеніе по службѣ сравнительно со всеми другими кандидатами. Во-вторыхъ, кандидатура доцентовъ А. П. Орлова и М. М. Богословскаго въ концѣ концовъ не была поддержана не только лицами, присоединившимися къ предложенію профессора Заозерскаго, но и большинствомъ прочихъ членовъ Совѣта въ виду яснаго для всѣхъ неудобства дать движеніе по службѣ младшимъ членамъ преподавательской корпораціи—Орлову, состоящему на академической службѣ около 5 лѣтъ,

На семь журналъ резолюція Его Высокопреосвященства:

„1909 г. Юня 24. По ст. XIII. Въ виду того, что Преосвященный Ректоръ не участвовалъ въ обсужденіи вопроса о назначеніи премій и отказался отъ подачи по сему дѣлу голоса, постановленіе Совѣта по сей статьѣ оставляется безъ утвержденія до представленія Преосвященнымъ своего мнѣнія. Оставляется также открытымъ и вопросъ (ст. II) о замѣщеніи вакансій экстраординарнаго профессора. Прочее утверждается“.

10 іюня 1909 года.

№ 3.

Присутствовали, подъ предѣдательствомъ Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи—и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостынь, заслуженные ординарные профессора: А. Д. Бѣляевъ и М. Д. Муретовъ; ординарные профессора—А. П. Голубцовъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессора—И. В. Поповъ, Н. Г. Городевскій, С. И. Смирновъ и А. И. Покровскій.—Отсутствовали: сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Н. А. Заозерскій, ординарные профессора—А. И. Введенскій и С. С. Глаголевъ и экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ.

Слушали: Отзвыы о сочиненіи бывшаго экстраординарнаго профессора Московской Духовной Академіи, нынѣ приватъ-доцента Ярославскаго Демидовскаго Юридическаго Лицея по кафедрѣ церковнаго права, *В. Н. Мышцына* подъ заглавіемъ: „Устройство христіанской церкви въ первые два вѣка“.

и Богословскому—около одного года,—при устраненіи гораздо дольше ихъ прослужившаго и обладающаго безспорнымъ правомъ на экстраординатуру И. М. Громогласова. Только указаннымъ обстоятельствомъ и объясняется то, что баллотировка доцентовъ Орлова и Богословскаго, допущенная Преосвященнымъ Ректоромъ, не могла состояться.—28 мая 1909 года.

Ординарный профессоръ Александръ Голубцовъ.

Экстраординарный профессоръ Иванъ Поповъ.

Экстраординарный профессоръ Николай Городевскій.

Экстраординарный профессоръ Сергій Смирновъ.

Сергіевъ Посадъ, 1909 г., представленномъ на соисканіе степені доктора церковной исторіи:

а) Ординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ церковной исторіи А. А. Спасскаго:

„Въ ряду предметовъ, входящихъ въ сферу исторіи христіанства и каноническаго права, нельзя указать другого столь труднаго и запутаннаго и въ то же время имѣющаго столь высокое церковно-историческое и каноническое значеніе вопроса, какъ проблема о первоначальномъ административномъ строѣ церкви, возникшемъ въ самый первый моментъ распространенія христіанства среди язычества и въ частности о происхожденіи монархическаго епископата. Трудность проблемы заключается прежде всего въ недостаткѣ точнаго и подлежащаго перетолкованіямъ матеріала, и при томъ въ самомъ важномъ и законоположительномъ періодѣ—періодѣ апостольской дѣятельности. Если еще въ отношеніи къ Іерусалимской церкви историкъ и канонистъ имѣютъ въ своемъ распоряженіи болѣе или менѣе богатые данныя въ книгѣ Дѣяній, то въ посланіяхъ Апостола Павла, направленныхъ къ общинамъ изъ язычниковъ, изъ которыхъ впоследствии и составила вселенская церковь съ ея разнообразнымъ и развитымъ административнымъ строемъ, они встрѣчаютъ самую разнообразную терминологию: *προϊστάμενοι* (1 Фесс. V. 12. 13; Римл. 12, 8), *ἡγούμενοι* (Еф. 13, 7. 17. 25), пастыри (Еф. 4. 11—12), епископы и діаконы (Фил. 1) и пресвитеры (Дѣян., посланіе къ Титу),—вполнѣ естественную въ тѣ годы, когда внѣшній порядокъ жизни только что зарождался и въ каждой отдѣльной, вновь основанной общинѣ слагался подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій. Съ другой стороны и Ап. Павелъ составлялъ свои посланія не для современныхъ историковъ и канонистовъ. Побуждаемый каждый разъ особыми мотивами, онъ обращался къ общинамъ, хорошо знавшимъ и его самого и свое собственное положеніе, а потому и характеристики лицъ, занимавшихъ сколько-нибудь выдающееся положеніе въ общинѣ, у него слишкомъ общи и неопредѣленны, а иногда и совсѣмъ отсутствуютъ (Фил. 1, 1), оставляя полный просторъ для всевозможныхъ комбинацій и предположеній изслѣдователя. Эта фактическая неопредѣленность и теоретическая неопределенность историческихъ

данныхъ, находящихся въ распоряженіи науки, усложняя проблему о первоначальномъ строѣ христіанскихъ церквей, предъявляютъ ко всякому желающему рѣшить ее самыя строгія требованія. Здѣсь нужно изслѣдовать каждое слово, каждую фразу, каждый терминъ, понять объективно-филологическій и историческій смыслъ ихъ, такъ какъ какой-нибудь союзъ *καρ* (Тит. 1, 7) и его правильное синтаксическое истолкованіе имѣетъ рѣшающее значеніе для окончательнаго вывода. Въ этой мелкой скрупулезной работѣ и заключается наибольшая опасность увлечься предвзятой тенденціей, вложить свой широкій смыслъ въ одиночную и между строкъ вставленную фразу и извлечь выводы, неоправдываемые текстомъ.

На ряду съ указанной чисто объективной трудностью, вытекающей уже изъ самаго состоянія источниковъ апостольской эпохи, существуетъ еще рядъ специальныхъ условій, ставящихъ преграды русскому изслѣдователю на пути къ успѣшному осуществленію предпринятой имъ на себя задачи. Современная западная критика новозавѣтныхъ писаній датируетъ появленіе нѣкоторыхъ изъ посланій ап. Павла годами, иногда далеко расходящимися съ принятыми у насъ традиціонными возрѣвьями. Здѣсь положеніе русскаго писателя, разрабатывающаго историческую или каноническую тему, прямо трагическое: научная совѣсть, естественное и обязательное для ученаго стремленіе поставить свой трудъ на современную научную высоту сталкивается съ привычными, часто мало обоснованными мнѣніями, отвергать которыя во многихъ отношеніяхъ небезопасно. Нѣкоторымъ утѣшеніемъ для русскаго изслѣдователя въ данномъ случаѣ является то обстоятельство, что и современная западная наука въ частныхъ пунктахъ о времени происхожденія и подлинности того или другаго памятника апостольской эпохи расходится въ своихъ выводахъ и даетъ возможность ему избрать наиболѣе подходящій результатъ. Но этотъ благопріятный выводъ не всегда возможенъ, и трагичность положенія русскаго ученаго почти не уничтожается. Какъ же рѣшаетъ эту трудную задачу В. Мышцынь? — „Намъ не хочется, — заявляетъ онъ, — дѣлать пропасть между нашимъ изслѣдованіемъ и современнымъ положеніемъ науки, ставить признаніе нашихъ результатовъ въ зависимость отъ спорныхъ вопросовъ новозавѣтной критики. Мы хотимъ, чтобы наше изслѣдованіе стояло на твердой, болѣе

или менѣе общепризнанной почвѣ, исходило изъ фактовъ болѣе или менѣе очевидныхъ для безпристрастныхъ изслѣдователей“ (79 стр.). Однако это рѣшительное заявленіе автора не обозначаетъ того, чтобы онъ принималъ всѣ результаты западной критической науки по вопросу о происхожденіи новозавѣтнаго канона. По всей первой части своего изслѣдованія онъ ведетъ непрерывную критику этихъ результатовъ тамъ, гдѣ они, по его сужденію, не имѣютъ за собою достаточно научныхъ данныхъ, и на основаніи самостоятельнаго изслѣдованія взаимоотношенія источниковъ защищаетъ свой собственный взглядъ (См. объ апостольскомъ соборѣ,—стр. 2—10; о посланіи къ Ефесянамъ—79—82; о Дѣянїяхъ: 82. 81; о первомъ посланіи Петра; о посланіи къ Титу и Тимоѳею: стр. 215—218). Поставленную имъ самимъ себѣ задачу „не отступая отъ *традиціоннаго* датированія спорныхъ источниковъ, въ то же время радикально не расходиться съ современнымъ состояніемъ новозавѣтной критики (79 стр.)“, онъ рѣшилъ блестяще и своему изслѣдованію придавъ научный характеръ въ отношеніи къ источникамъ, лежащимъ въ основѣ его.

Другое препятствіе, естественно затруднявшее успѣхъ задуманнаго В. Мышцынымъ предпрїятія,—тоже специально русскаго свойства. Когда онъ приступалъ къ обработкѣ своей темы, предъ нимъ лежала значительная и серьезная литература въ формѣ историческихъ, каноническихъ и экзегетическихъ трудовъ запада. Нельзя указать ни одного виднаго историка или канониста на западѣ, который не попробовалъ бы своихъ силъ надъ рѣшеніемъ этой задачи, не заявилъ бы о себѣ такимъ или инымъ солиднымъ трудомъ, вносящимъ существенный вкладъ въ процессъ разъясненія проблемы, не говоря объ отдѣльныхъ специальныхъ изслѣдованїяхъ и массѣ статей, разсѣянныхъ по иностраннымъ литературамъ. А. Гарнакъ, Хэтчъ (а не Гатчъ, какъ пишетъ авторъ), Вейзэкеръ, Зомъ, Ревиль, Цанъ, Пфлайдереръ, Линсай—вотъ имена, съ упоминаніемъ о которыхъ связываются крупныя по своему достоинству изслѣдованія,—часто съ опредѣленно выработанной теорїей, основанной на научныхъ данныхъ, и окончательно оформленнымъ взглядомъ. Въ этихъ трудахъ уже обследовано все, провѣренъ критически и исторически каждый фактъ и подведенъ подъ общую точку зрѣнїя;—исчерпаны всѣ возможности и не остав-

лено никакого мѣста для дальнѣйшихъ попытокъ въ этомъ родѣ. Прочитавъ хотя бы бѣгло всю эту уже существующую ученую литературу по начальной исторіи церковнаго управленія, можно прямо опустить руки и сказать: „да, здѣсь дѣлать уже нечего!“

Но эта невозможность всякой новой попытки къ рѣшенію трудной и сложной проблемы о начальной стадіи церковнаго строя имѣетъ только кажущуюся очевидность. Уже самое существованіе различныхъ и не согласующихся между собой теорій о развитіи напр. монархическаго епископата показываетъ, что здѣсь дѣло обстоитъ не совсѣмъ чисто и требуетъ новаго пересмотра. Достаточно ознакомиться, далѣе, съ литературой и полемикой по поводу точнаго объясненія терминологіи перваго посланія Климента римскаго къ коринтянамъ по заграничнымъ журнальнымъ статьямъ, съ разнообразными рецензіями его и возникающими отсюда трудностями для точной интерпретаціи его, чтобы убѣдиться, какъ много самостоятельнаго можно сдѣлать даже въ такомъ частномъ вопросѣ. Но и помимо этихъ мелочей, въ наукѣ не дано еще такой общей концепціи административнаго строя древней церкви, которая могла бы претендовать на безусловный и окончательный авторитетъ. Если гдѣ, то именно въ этой области церковно-историческаго и историко-каноническаго познанія, при недостаткѣ фактическихъ данныхъ, всякая новая концепція, опирающаяся на научную почву, имѣетъ свое право на законное существованіе. Такимъ положеніемъ вопроса въ наукѣ и объясняется законность и научная правоспособность появленія въ печати изслѣдованія В. Мышцына и предложеніе его на обсужденіе Совѣта. Здѣсь же лежитъ и причина сравнительной обширности его сочиненія. „Устройству христіанской церкви“ только въ первые два вѣка онъ отводитъ 475 стр. довольно компактной печати. Необходимость болѣе или менѣе подробно выяснить каждый фактъ, извлечь изъ него всѣ возможные выводы, свести счеты съ противниками и самая задача дать исчерпывающій обзоръ устройства христіанской церкви за первые два вѣка во всѣхъ его проявленіяхъ—все это расширяло объемъ труда. Однако и при такой обширности его нельзя указать въ немъ ни одной полстраницы, которую можно было бы вычеркнуть безъ ущерба для дѣла.

Если, такимъ образомъ, научная правоспособность всякой новой попытки объяснить происхожденіе іерархическаго строя христіанской церкви и дать первоначальную исторію его должна обусловливаться оригинальностью и большею или меньшею самостоятельностью предлагаемой въ ней концепціи первоначальнаго церковнаго строя христіанскихъ общинъ, то эти качества повсюду присущи изслѣдованію В. Мышцына, какъ въ его основныхъ выводахъ, такъ и во всѣхъ частяхъ. Было бы долго, да по существу дѣла и невозможно подробно излагать богатое содержаніе его труда; я ограничусь лишь указаніемъ основныхъ его тенденцій и главныхъ выводовъ. Центральные тезисы его сочиненія корректны и церковно-каноничны. Это во 1) происхожденіе служебнаго управления еще въ первоначальные годы миссіонерской дѣятельности ап. Павла подъ руководствомъ и авторитетомъ самого ап. Павла,—во 2) намѣтившееся еще въ первомъ вѣкѣ и въ апостольскихъ посланіяхъ различіе между епископатомъ и пресвитеріатомъ и въ 3) образованіе единоличнаго (монархическаго) епископата еще въ первомъ вѣкѣ и тоже подъ воздѣйствіемъ апостольскаго авторитета. Для всякаго, знакомаго съ современнымъ состояніемъ западной науки по исторіи первоначальнаго строя христіанской церкви, очевидно, что всѣ эти тезисы идутъ въ разрѣзъ съ окончательными и общепризнанными результатами въ ней и въ своей *совокупности* представляютъ безусловную новостъ. По этимъ тремъ рубрикамъ я и отмѣчу кратко ходъ идей изслѣдованія В. Мышцына.

1) Обсуждая древнѣйшія извѣстія ап. Павла о предстоятеляхъ Фессалоникъ (I, 5. 12. 13) и домѣ Стефана въ Коринѣхъ (1 Коринѣ. 16, 15—18) авторъ здѣсь уже констатируетъ непосредственное участіе ап. Павла. „Предстоятели (*προϊστάμενοι*) существовали въ фессалоникской общинѣ, не позднѣе, какъ мѣсяцевъ черезъ пять послѣ ухода Павла“; такое быстрое появленіе *προϊστάμενοι* въ Фессалоникахъ даетъ автору большія основанія думать, что это учрежденіе возникло во время пребыванія тамъ ап. Павла и во всякомъ случаѣ не безъ содѣйствія его. О томъ же свидѣтельствуетъ и случай съ Стефаномъ въ Коринѣхъ. „Стефанъ со своимъ домомъ пользовался авторитетомъ, обязывающимъ общину къ повиновенію, уже чрезъ три года по основаніи коринѣской церкви.

Очевидно, переход добровольнаго служенія въ должностное не былъ дѣломъ естественнаго развитія. Увѣщаніе, съ которымъ ап. Павелъ обращается одинаково къ ессалоникійцамъ и коринтеянамъ, прося ихъ почитать и повиноваться предъстоятелямъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что предъстояние родилось не только изъ свободнаго служенія, но и изъ специальныхъ апостольскихъ полномочій“ (127 стр.). Намѣченное въ этихъ посланіяхъ лишь въ общихъ чертахъ содержаніе возникшаго „служенія управленія“ развивается подробнѣе въ посланіи къ Ефесянамъ и Дѣянїяхъ апостольскихъ. Здѣсь предъстояние понимается уже какъ пастырство, сущность котораго апостоль полагаетъ въ религиозно-нравственномъ руководствѣ пасомыхъ, въ неусыпномъ наблюденіи за каждымъ вѣрующимъ, въ постоянномъ утвержденіи ихъ вѣры и доброй нравственности. Пастыри въ посланіи къ Ефесянамъ ставятся рядомъ съ учителями и въ нѣкоторой степени уравниваются съ ними, и это понятно, такъ какъ увѣщаніе, составляющее главную обязанность пастыря, включаетъ въ себя и часть учительства. Въ посланіи къ Филиппійцамъ это пастырство получаетъ имя епископовъ, и въ рѣчи своей къ пресвитерамъ Милета ап. Павелъ увѣщеваетъ ефесскихъ предъстателей внимательно пасти церковь Господа, въ которой Духъ Святыи поставилъ ихъ епископами (Дѣян. 20, 28), связывая епископство неразрывно съ пастырствомъ. Такимъ образомъ имѣются всѣ данныя, чтобы усвоить идеи пастырства епископовъ самому ап. Павлу, и мысль, что пастырство составляетъ существенное содержаніе епископскаго служенія, въ самое древнее время стала общимъ достояніемъ церкви (148). И если въ общинахъ, гдѣ предъстояние развивалось изъ добровольнаго служенія первенцевъ вѣры, оно было обязано своимъ происхожденіемъ апостольской санкціи, то Дѣянїя прямо говорятъ о рукоположеніи пресвитеровъ Павломъ и Варнавой (XIV, 21—23). Итакъ, всѣ первоначальныя служенія управленія и постепенное усиленіе ихъ правъ возникли и развивались подъ непосредственнымъ руководствомъ самого Апостола и подъ воздѣйствіемъ его авторитета.

2) Безъ сомнѣнія, самымъ труднымъ пунктомъ, какой встрѣтилъ В. Мышцынъ на пути къ осуществленію своей композиціи,—это установить за древнѣйшее время различіе

между епископатомъ и пресвитеріатомъ и датировать происхожденіе его первымъ вѣкомъ. Всякому знакомому съ павлинистической литературой (включая книгу Дѣяній), известно, что здѣсь термины пресвитера и епископа употребляются безразлично, прекраснымъ доказательствомъ чего и являются данныя, указываемыя на стр. 373—375, гдѣ авторъ подводитъ итоги своему изслѣдованію по этому вопросу. Отмѣченная неопредѣленность терминологіи не ограничивается первымъ вѣкомъ: она переходитъ во второй вѣкъ и встрѣчается у Поликарпа Смирнскаго и послѣдовательно проведена даже у Иринея Лионскаго, писателя второй половины второго вѣка. Посмотримъ, какъ обсуждаетъ этотъ вопросъ авторъ. „Изъ того,—говоритъ онъ,—что однимъ и тѣмъ же лицамъ усвояютъ два титула, нельзя заключать о тождествѣ обоихъ титуловъ и обозначаемаыхъ ими званій“. 1) Если Дѣеписатель называетъ ефесскихъ предстоятелей то пресвитерами, то епископами, то это вовсе не обозначаетъ еще того, что и всѣ прочіе пресвитеры были епископами. Если одно и то же лицо въ римской муниципіи называлось и сенаторомъ и магистратомъ, то это вовсе не доказываетъ, что всѣ сенаторы были магистратами. Въ дѣйствительности магистратъ былъ въ то же время и сенаторомъ (членомъ сената—senior); но существовало множество сенаторовъ, не имѣвшихъ званія магистрата и не носившихъ никакой должности. 2) Аргументы, извлекаемые изъ историческихъ данныхъ въ пользу тождества епископовъ и пресвитеровъ, убѣждаютъ лишь въ томъ, что епископы носили имя пресвитеровъ, но вовсе не доказываютъ того, что всѣ пресвитеры обязательно были епископами. 3) Въ настоящее время стоитъ уже почти внѣ всякаго спора, что въ самомъ началѣ второго вѣка въ сирійскихъ и малоазійскихъ (?) церквахъ существовалъ пресвитератъ, отличный отъ епископата. Нѣтъ сомнѣнія, что на образованіе его во всей восточной половинѣ имперіи потребовалось не менѣе десятка лѣтъ. Отсюда слѣдуетъ предполагать существованіе пресвитерата, еще въ 1-мъ вѣкѣ. При отрицаніи епископата, отличнаго отъ пресвитерата въ 1-мъ вѣкѣ, необходимо допустить въ концѣ 1-го вѣка и въ началѣ 2-го цѣлую революцію, имѣвшую своимъ результатомъ выдѣленіе епископовъ изъ ряда пресвитеровъ,—необходимо потому, что для естественнаго развитія епископата не до-

статочко нѣсколькихъ лѣтъ. 4) Наблюдаются, наконецъ, и положительныя данныя, заставляющія признать самостоятельное существованіе пресвитерата въ 1-мъ вѣкѣ; это организація управленія іерусалимской церкви, описанная въ книгѣ Дѣяній и позднѣйшихъ источникахъ (1 — 17 стр.), и сравненіе 3-й и 5 главы перваго посланія къ Тимоѳею, гдѣ пресвитеры ясно отличаются отъ епископата (372—379).

3) Также несомнѣнно, что монархическій епископатъ получилъ свое начало въ первомъ вѣкѣ. Данныя, приводимыя въ пользу коллегіальности первоначальнаго церковнаго управленія, необладаютъ аподиктической доказательной силой, а напротивъ имѣется рядъ хотя и косвенныхъ указаній на существованіе единоличнаго епископата еще въ 1-мъ вѣкѣ, при самомъ начальномъ устроеніи христіанскихъ общинъ. Такими лицами, повидимому, были *σύζυγος* (сотрудникъ), упомянутый въ Фил. 4, 3, Архиппъ, несшій особенное служеніе въ колосской церкви (Кол. 4, 17) и коринтскій Стефанъ. Систематически употребляемое въ пастырскихъ посланіяхъ единственное число *ἐπίσκοπος* при множественномъ *πρεσβύτεροι* и *διάκονοι* самое естественное объясненіе находить въ предположеніи единоличнаго епископата. Но всѣ эти указанія, не имѣющія сами по себѣ большой силы убѣдительности, пріобрѣтаютъ ее, при сопоставленіи съ посланіями Игнатія антioxійскаго, ставящаго внѣ всякаго сомнѣнія существованіе монархическаго епископата въ началѣ 2-го вѣка. Невозможно представить себѣ, чтобы путемъ естественной эволюціи преобразование коллегіальнаго строя въ монархическій совершилось одновременно во всѣхъ малоазійскихъ и сирійскихъ церквяхъ. Если бы единоличный епископатъ произошелъ путемъ постепеннаго возвышенія одного епископа или пресвитера надъ прочими, путемъ узурпаціи правъ другихъ равныхъ ему по положенію лицъ, то такому возвышенію должна была бы предшествовать борьба между епископомъ и пресвитерами, но въ древнихъ памятникахъ не встрѣчается ни малѣйшихъ слѣдовъ такой борьбы. Да и въ какіе-нибудь 3—4 десятка лѣтъ не могла завершиться та сложная эволюція, результатомъ которой было бы преобразование коллегіальнаго строя въ монархическій. Исторія учитъ насъ, какъ много времени требуется на такое преобразование, да еще во многихъ независимыхъ

другъ отъ друга общинахъ. Всѣ эти непобѣдимыя затрудненія при признаніи множественности епископата въ первоначальной церкви и вынуждаютъ автора отнести происхожденіе монархическаго епископата къ древнѣйшему періоду, вѣроятно къ апостольскому времени (стр. 405—411).

Недостаточность данныхъ, сохранившихся въ апостольской литературѣ касательно служенія управленія, и вытекающая отсюда возможность свободнаго истолкованія ихъ,— все это открываетъ широкія двери для возраженій по отношенію ко всякой концепціи первоначальнаго строя церковнаго управленія, какъ бы она ни казалась научно обоснованной. Несвободно отъ этихъ, вызываемыхъ самымъ существомъ дѣла, недостатковъ и изслѣдованіе В. Мышцына. Подробный критическій анализъ его потребовалъ бы, быть можетъ, цѣлой диссертации; я остановлюсь здѣсь только на одномъ пунктѣ,—на вопросѣ о происхожденіи монархическаго епископата.

Такъ всѣ попытки В. Мышцына найти хотя бы косвенное указаніе на единоличнаго предстоятеля общины за первый періодъ, выдѣляемый самимъ авторомъ до 63 г., оказываются мало состоятельными. Коринѣскаго Стефана авторъ, повидимому, не прочь понять въ качествѣ единоличнаго предстоятеля мѣстной церкви. „При существованіи одного собранія въ коринѣской общинѣ — пишетъ онъ—едва ли могъ быть вопросъ о томъ, кто долженъ председательствовать при совершеніи евхаристіи“;—такимъ лицомъ, по его догадкѣ, могъ быть только Стефанъ (128). Дѣйствительно посланіе ап. Павла въ ряду коринѣскихъ христіанъ особое вниманіе удѣляетъ,—но не Стефану въ единичности, а „дому (*τῆς οἰκίας*) Стефана“, какъ начатку и первенцу изъ обращенныхъ въ христіанство, при чемъ повиновеніе заповѣдуется не только ему, но и *всякому* содѣйствующему и трудящемуся (*καὶ παντὶ τῷ συνεργούῳτι καὶ κολλῶντι*) — 1 Кор. 16, 16). Въ виду этихъ прямыхъ выраженій апостола Павла едва ли можно говорить о какомъ-нибудь преимущественномъ, обязательномъ для всѣхъ коринѣскихъ христіанъ авторитетѣ, принадлежащемъ единственно Стефану,—и тѣмъ болѣе о председательствѣ при совершеніи евхаристіи, когда по „Дидахе“, памятнику начала 1-го вѣка, исключительное право

на совершение евхаристіи принадлежить пророкамъ, а коринѣскіе христіане именно славились богатствомъ пророческаго дара (1 Кор. гл. 12). Во всякомъ случаѣ текстъ ап. Павла не даетъ никакихъ поводовъ къ подобнымъ широкимъ заключеніямъ. Тѣмъ менѣе можно видѣть указаніе на единоличное предстоительство въ посланіи къ Римл. (12, 8), гдѣ *ὁ προϊστάμενος* значится въ единственномъ числѣ и гдѣ оно употреблено несомнѣнно въ смыслѣ *родового* понятія, такъ какъ въ противномъ случаѣ мы должны бы допустить въ римской церкви одного учителя (12, 7), одного раздавателя милостыни (8) и даже одного благотворителя, который какъ разъ ставится рядомъ съ *προϊστάμενος* (12, 8). Повидимому болѣе прямые свидѣтельства ап. Павла объ единоличномъ предстоительствѣ за древнѣйшее время можно читать въ слѣдующихъ словахъ его посланія къ Филиппійцамъ (IV, 2—3): „Умоляю Еводию, умоляю Синтихию мыслить то же о Господѣ; ей, прошу и тебя, искренній сотрудникъ, помогай имъ (споспѣшествуй — *συνλαμβάνου αὐταῖς*), подвизавшимся въ благовѣствованіи со мною и съ Климентомъ и съ прочими моими сотрудниками, имена которыхъ въ книгѣ жизни“, — и въ обращеніи Апостола къ нѣкому Архиппу колосской церкви: „соблюдай служеніе (*βλέπε τὴν διακονίαν*), которое ты принялъ въ Господѣ, чтобы исполнить его“ (*ἵνα περιελάβης ἐν Κυρίῳ, ἵνα αὐτῆν πληροῖς*—4—17). Подвергнувъ анализу оба эти мѣста, авторъ заявляетъ, что они, кажется, даютъ основаніе думать, что въ первоначальныхъ общинахъ при многочисленности предстоителей существовали по крайней мѣрѣ иногда единичныя лица съ особо отвѣтственнымъ служеніемъ и болѣе виднымъ положеніемъ въ церкви (стр. 146). Но, въ первомъ случаѣ уже самое выраженіе *αὐταῖς* (женск. род. т. е. Еводія и Синтихія) показываетъ, что споспѣствующая дѣятельность сотрудника своимъ объектомъ имѣла только этихъ двухъ женщинъ, и ни откуда не видно, чтобы она простиралась на всю филиппійскую общину. Во второмъ случаѣ самый переводъ словъ: *βλέπε τὴν διακονίαν*—„соблюдай служеніе“ не соотвѣтствуетъ тексту. *Βλέπω*, какъ въ классическомъ, такъ и въ новозавѣтномъ языкѣ значить: *вижу*, но тамъ, гдѣ оно соединяется съ *ἵνα, μή, μήλω*, оно заключаетъ въ себѣ предупрежденіе отъ какого-нибудь неблагоприятнаго дѣйствія или

слѣдствія, вытекающаго изъ опредѣленнаго поступка. Такъ 1 Кор. 16, 10: *Εαν δε ἔλθῃ Τιμοθέος, βλέπετε, ἵνα ἀσέβως γένηται* (если же придетъ къ вамъ Тимоѳей, смотрите, чтобы онъ былъ у васъ въ безопасности); Мр. 13, 6: *βλέπετε, μὴ τις ὑμᾶς πλανήσῃ*—смотрите (бдите), чтобы кто не прельстилъ васъ; ср. Мр. 13, 9, 33; 1 Кор. 3, 9: *βλέπετε δέ, μήπως ἡ ἐξουσία αὐτῆ πρόβοιμα γένηται τοῖς ἀσθενοῦσιν*—смотрите (въ смыслѣ: берегитесь), чтобы свобода ваша не послужила соблазномъ для немощныхъ; 10, 12: кто думаетъ, что стоитъ, *βλεπέτω*—смотри, берегись, чтобы не упасть (*μὴ πέτῃ*)—ср. Гал. 5, 5; Евр. 17, 15). Отсюда и обращеніе ап. Павла къ Архиппу: *βλέπε τὴν διακονίαν... ἵνα*“ слѣдуетъ перевести такъ: „смотри (относись внимательно) къ служенію, принятому тобою въ Господѣ, чтобы (надлежаще) исполнить его“. Здѣсь мы читаемъ, так. обр., внушеніе Апостола Архиппу, а вовсе не указаніе на какое-нибудь видное положеніе его въ колосской общинѣ, подобное единоличному предстоятелю.

Древняя церковь,—церковь перваго вѣка, знала только коллегіальное управленіе. Апостоль Павелъ повсюду говорить о предстоятеляхъ, руководителей, пастыряхъ, епископахъ и діаконахъ. Книга Дѣяній также свидѣтельствуетъ о коллегіальности церковнаго управленія, упоминая пресвитеровъ церкви (*τῆς ἐκκλησίας*) Ефеса, которыхъ ап. Павелъ призвалъ на свою прощальную бесѣду въ Милетъ (Дн. 20, 17. 18). Титу тотъ же Апостоль заповѣдуетъ въ каждомъ городѣ (*κατὰ πόλιν*) поставить пресвитеровъ (*πρεσβυτέρους*—1, 5)¹⁾. Посланіе римской церкви къ коринѣской, дошедшее подъ именемъ Климента, упоминаетъ о руководителяхъ (*ἡγούμενος*), пресвитерахъ (1, 3), епископахъ и діаконахъ (42, 4), какъ лицахъ, стоящихъ во главѣ церковной жизни коринѣскихъ христіанъ, и такъ какъ въ этомъ порядкѣ римскіе авторы посланія не видятъ ничего ненормальнаго, то должно

¹⁾ Нѣкоторое исключеніе представляетъ собой лишь 1-е посланіе къ Тимоѳею, гдѣ въ первый разъ дѣлается попытка провести различіе между епископомъ и пресвитеромъ (сл. 2 и 5) и наблюдается тенденція понять епископа въ качествѣ единоличнаго предстоятеля, но всякому изучающему это посланіе ясно, что организація, изображаемая здѣсь, скопирована съ устройства іерусалимской церкви, когда она находилась подъ главенствомъ ап. Іакова. Къ общинамъ ап. Павла она не имѣла широкаго примѣненія.

думать, что и въ римской церкви существовало если не такое же самое, то аналогичное Коринѣу коллегіальное управленіе. И этотъ выводъ подтверждается прямѣмъ указаніемъ Пастыря Ермы, обрисовывающимъ намъ состояніе римской церкви къ 140 годамъ ¹⁾; здѣсь мы слышимъ рѣчь о пресвитерахъ предстоящихъ въ церкви (*τῶν πρεσβυτέρων προΐσταμένων τῆς ἐκκλησίας*—Vis. II, 4, 3), объ апостолахъ, епископахъ, учителяхъ и діаконахъ (Vis. III, 5. 1). Дидахе, памятникъ конца 1-го или начала 2-го вѣка, предписываетъ каждой церкви ²⁾ избирать себѣ епископовъ и діаконѡвъ, и еще въ письмѣ Поликарпа, еп. Смирнскаго, составленномъ около 140 годовъ, мы видимъ въ Филиппахъ коллегіальное управленіе во главѣ съ „пресвитерами и діаконами“. (Еф. 5, 2) ³⁾. Возможно думать, что въ самой Смирнѣ при Поликарпѣ существовало такое же коллегіальное пресвитерское управленіе, какъ и въ Филиппахъ. На эту мысль наводитъ уже самый заголовокъ посланія: *Πολυκάρπος καὶ οἱ σὺν αὐτῷ πρεσβύτεροι*, гдѣ Поликарпъ какъ бы включаетъ себя (*οἱ σὺν αὐτῷ*) въ число пресвитерѡвъ. Правда, для безспорнаго заключенія о коллегіальномъ пресвитерскомъ управленіи слѣдовало бы ожидать отъ Поликарпа болѣе точной фразы: *Πολυκάρπος καὶ ἄλλοι πρεσβύτεροι*,—но во-первыхъ Поликарпъ въ своемъ письмѣ нигдѣ не называетъ себя епископомъ, а во вторыхъ въ V главѣ посланія, гдѣ рѣчь идетъ о пресвитерахъ и діаконахъ фи-

¹⁾ Harnack. Die Chronologie d. altchristl. Literatur. 1, B. s. 254. Leipzig. 1897.

²⁾ 15, 1: *χειροτονήσαντε ἑαυτοῖς ἐπίσκοπους καὶ διάκονους*. „Множественное *ἐπίσκοπους*,—замѣчаетъ по этому поводу авторъ,—не говоритъ еще о множественности епископовъ въ одной церкви. Дидахе направлялась не къ одной, а ко многимъ христіанскимъ общинамъ и потому должна была говорить не о епископѣ, а о епископахъ“ (стр. 281, прим. 3). Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же прибавлено: *ἑαυτοῖς*,—„поставляйте самимъ себѣ (обращеніе къ каждой *отдѣльной* общинѣ) епископовъ и діаконѡвъ“.

³⁾ По посланію ап. Павла къ Филиппійцамъ (1, 1), уже въ 63 году здѣсь существовали епископы. Поликарпъ знаетъ только пресвитерѡвъ. Единственное объясненіе этому странному явленію нужно искать въ неустановившейся терминологіи того времени, когда термины „епископъ“ и „пресвитеръ“ считались взаимно замѣнимыми, при чемъ подъ пресвитерами въ Филиппахъ eo ipso могли разумѣться и епископы. Извѣстно, что еще даже на языкѣ Иринея, писавшаго во второй половинѣ второго вѣка, термины „пресвитеръ и епископъ“ тождественны. (См. Наег. III, 2. 2; 3. 11; IV, 26, 2. 4; II, 25. 1 и др.).

липпійской общины, въ первыхъ строкахъ онъ прямо причисляетъ себя къ пресвитерамъ: „зная, что Богъ не бываетъ поругаемъ, пишетъ онъ здѣсь, —мы должны (*ὀφείλομεν*) достойно поступать по заповѣди Его“..., подобно и *діаконъ* (*ὁμοίως* *διάκονοι*), а потому должно покоряться пресвитерамъ и діаконамъ; въ *ὀφείλομεν* Поликарпъ, очевидно, вчисляетъ и себя въ рядъ пресвитеровъ. Устранить эти сравнительно многочисленные голоса о коллегіальности церковнаго управленія, идущіе со всѣхъ сторонъ—изъ Рима, Коринѳа, Филиппъ, Дидахе и м. б. Смирны, можно, опираясь только на солидныя и убѣдительныя доказательства. Въ сущности единственнымъ фактомъ, на которомъ построится вся теорія В. Мышцына объ апостольскомъ происхожденіи монархическаго епископата, являются посланія Игнатія, еписк. Антіохійскаго, появившіяся между 110—117 г., гдѣ дѣйствительно впервые обрисовывается предъ нами во всей яркости единоличный монархическій епископъ, обладающій всей полнотою власти, безъ воли котораго ничего относящагося къ церкви происходить не можетъ (см. 8). Пресвитератъ выступаетъ также, какъ вполнѣ законченный институтъ, какъ синедріонъ, въ качествѣ помощниковъ и совѣтниковъ епископа, безъ воли котораго они не могутъ совершить никакихъ богослужебныхъ актовъ и собраній. Выходя именно изъ этого факта, В. Мышцынъ и устанавливаетъ въ пользу апостольской изначальности монархическаго епископата два слѣдующихъ тезиса: а) невозможно допустить естественную эволюцію коллегіальнаго строя въ монархическій на пространствѣ 3—4 десятковъ лѣтъ и б) отсутствіе въ историческихъ данныхъ всякихъ слѣдовъ борьбы между епископатомъ и пресвитеріатомъ.

Но неожиданность появленія церковной организаціи Игнатія антіохійскаго не слѣдуетъ преувеличивать; самъ авторъ признаетъ, что подготовительные элементы для нея даны были въ предшествующей исторіи, и, кромѣ того, при современномъ состояніи науки возможно указать довольно точныя причины, почему монархическій епископъ появился первоначально въ Сиріи и именно въ Антіохіи. Главные же два выше сѣйчасъ отмѣченные тезисы являются лишь теоретическими предпосылками, неоправдываемыми фактами. 3—4 десятка годовъ—это очень большой періодъ не только для

замкнутыхъ въ себѣ общинѣ съ энтузіастическимъ настрое-
ніемъ ихъ членовъ, съ полнотою присущихъ имъ правъ и
свободой взаимоотношеній, но и въ исторіи цѣлыхъ народовъ
съ вѣками сложившейся культурой и цивилизаціей. Прослѣ-
димъ напр. хронологическій ходъ исторіи Франціи за 1789—
1814 г. 1789—начало революціи и учредительное собраніе;
1791—конституціонная монархія; 1792—паденіе монархіи, ре-
волюція и конвентъ; 1799—Наполеонъ—консуль; 1804—На-
полеонъ—императоръ; 1814—низложеніе Наполеона и воз-
становленіе Бурбоновъ. Можно было бы представить изъ
исторіи европейскихъ народовъ цѣлый рядъ другихъ анало-
гичныхъ примѣровъ, если бы они не были общеизвѣстнымъ
фактомъ. И при всей скудости свѣдѣній, сохранившихся до
нашего времени по исторіи первоначальнаго строя церкви,
нельзя сказать, чтобы здѣсь не сохранилось никакихъ слѣ-
довъ борьбы изъ процесса возникновенія монархическаго
епископата. Это прежде всего споръ изъ-за *ἐπισκοπή* въ Ко-
ринѣѣ; возставшіе противъ руководящихъ лицъ общины
члены коринѣской церкви характеризуются въ посланіи рим-
лянъ, какъ обладающіе силой высказывать гносисъ (*δυνατὸς
γνώσκειν ἐξειπεῖν*), какъ мудрые въ различеніи даровъ (*σοφὸς
ἐν διακρίσει λόγων*—даръ различенія духовъ), чистые въ дѣлахъ
(*ἀγνὸς ἐν ἔργοις*—XLVIII, 5)—какъ харизматики и аскеты,
претендовавшіе на высшій авторитетъ въ церкви. Въ отно-
шеніи же къ римской общинѣ наука обладаетъ такими цѣн-
ными данными, при помощи которыхъ можно такъ сказать
наглядно прослѣдить здѣсь процессъ происхожденія монар-
хическаго епископата. По извѣстію Епифанія, почерпнутому
изъ одного древняго источника, Маркіонъ, отлученный сво-
имъ отцомъ синопскимъ епископомъ, явился въ Римъ при
Игнѣѣ и здѣсь, сошедшись съ *пресвитерами* изъ учениковъ
апостольскихъ, остававшихся еще въ живыхъ, просилъ о
принятіи ихъ въ общеніе, и получивъ, отказъ, открылъ съ
ними споръ; „когда услышали это пресвитеры и учителя
(*πρεσβύτεροι καὶ διδασκαλοὶ*—Наег. XLII, 1)“... Итакъ при Игнѣѣ
въ Римѣ существовало коллегіальное управленіе изъ пре-
свитеровъ и учителей, что, какъ мы видѣли, подтверждаетъ
и нѣсколько позднѣйшее извѣстіе Ерма, при чемъ хроноло-
гическія данныя свидѣтельствуютъ, что Телесфоръ и Игнѣѣ
управляли почти одновременно римскою церковію“, и слѣ-

довательно, были не монархическими епископами, о чемъ свидѣтельствуесть уже фактъ, сообщаемый Епифаніемъ, а лишь выдающимися лицами изъ числа римскихъ пресвитеровъ и учителей. Время же дѣятельности Ерма въ Римѣ (140-е годы) было періодомъ упорной борьбы между здѣшними предстоятелями и харизматиками. Въ 11 заповѣди Пастыря изображается человекъ, сидящій на кафедрѣ, и предъ нимъ люди, занимающіе скамейки (образъ богослужебнаго собранія). По Ерму, это лжепророкъ, но обладающій всѣми правами истиннаго пророка: онъ предсѣдательствуетъ въ собраніи и говоритъ къ народу (*πληθος*), но его лживость заключается въ томъ, что онъ возвышаетъ себя (*ὑψοί εαυτὸν*) и стремится къ *πρωτοκαθεδρίαν*, къ первоначальству въ церкви. Этотъ пророкъ, повидимому, находится еще въ общинѣ, такъ какъ сравнивается съ истиннымъ пророкомъ, говорящимъ къ народу. Но были и такіе, которые, не найдя себѣ признанія въ церкви, „собраніи праведныхъ мужей (*συναγωγὴν ἁνδρῶν δικαίων*)“, привлеки къ себѣ двоедушныхъ людей, уходили въ потаенныя и тѣсныя мѣста и здѣсь создавали особыя общины, въ которыхъ и удовлетворяли свое честолюбіе. Борьба велась не только между харизматиками, но и предстоятелями церкви, принадлежавшими къ собранію праведныхъ мужей. Въ притчѣ VIII, 7 принесшіе вѣтви хотя и зеленныя, но съ трещинами, истолковываются, какъ вѣрныя и добрыя (*πιστοί καὶ ἁγαθοί*), но имѣющіе между собою ревность, зависть изъ-за первенства и славы (*ἔχοντες ζῆλον τινα ἐν ἀλλοίοις περὶ πρωτείαν καὶ περὶ δόξης*). Ничто не препятствуетъ здѣсь видѣть указаніе именно на римскихъ епископовъ или пресвитеровъ, подобныхъ *ἐπιπροτείων* Діотрефу въ 3 посл. Іоанна 1, 9, стремившихся къ первенству. Такимъ образомъ по крайней мѣрѣ въ Римѣ, такъ сказать, накануне появленія монархическаго епископата мы наблюдаемъ слѣды борьбы о *πρωτοκαθεδρίαν* и *πρωτείαν* не только между харизматиками и предстоятелями церкви, но и среди послѣднихъ. И дѣйствительно, первое извѣстіе о монархическомъ епископатѣ въ Римѣ обыкновенно читаютъ въ первой апологіи Іустина (около 150 г.), гдѣ въ изображеніи христіанскаго богослуженія говорится о *ὁ προεστώς* (гл. 63), единичномъ предстоятелѣ и совершителѣ евхаристіи, хотя „*ὁ προεστώς*“ само по себѣ еще не исключаетъ коллегіальнаго

управленія, такъ какъ и въ такомъ случаѣ совершать евхаристію могъ кто-нибудь одинъ изъ нихъ. По историческимъ и хронологическимъ даннымъ установку монархическаго епископата вѣрнѣе относить ко времени Аникиты (165) или даже Сотира (166—174), при чемъ его предшественники Телесфоръ, Игивъ и Піпъ, на основаніи данныхъ, заимствуемыхъ изъ извѣстій Елифанія и Ермы, должны быть считаемы лишь выдающимися дѣятелями въ числѣ коллегіи пресвитеровъ, учителей и епископовъ, управлявшихъ римскою общиною. Можно бы далѣе повести рѣчь о томъ, когда установилось монархическое управленіе въ Коринѣ и Филиппахъ, но это повело бы насъ въ область специальныхъ вопросовъ, не относящихся къ изслѣдованію В. Мышцына.

Изложенная сейчасъ мной конструкція происхожденія монархическаго епископата опирается на тѣ же самыя данныя, какими пользовался и В. Мышцынъ въ своемъ сочиненіи. Она проведена здѣсь съ единственною цѣлю доказать уже ранѣе установленный тезисъ, что при недостаткѣ фактическаго матеріала и внутренней неоформленности его, здѣсь принципиально допустимы самыя разнообразныя комбинаціи и что всякая концепція первоначальнаго строя церкви (собственно въ области вопроса о церковномъ управленіи), какъ бы она ни казалась основательной, вслѣдствіе скудости находящихся въ распоряженіи науки данныхъ и возможности перетолкованія ихъ, въ исторіи изучаемаго вопроса можетъ имѣть значеніе только болѣе или менѣе научно-состоятельной попытки *разъясненія* этой сложной и затруднительной проблемы и никоимъ образомъ не претендовать на окончательное рѣшеніе ея.

Въ этой научной состоятельности, въ оригинальности и самобытности развитой въ изслѣдованіи В. Мышцына концепціи убѣждаетъ все ранѣе сказанное о главныхъ тезисахъ его диссертации. Раскрытая здѣсь точка зрѣнія на первоначальное устройство христіанской церкви и постепенное его развитіе въ *чисто научномъ отношеніи* имѣетъ цѣнность уже только потому, что она создаетъ совершенно новую комбинацію фактовъ исторіи первоначальнаго церковнаго управленія, впервые входящую въ научный обиходъ, съ которой нужно будетъ считаться каждому послѣдующему ра-

ботнику въ той же области. По своей обоснованности и систематичности она имѣетъ такое же право на научное бытіе, какъ и всѣ существующія уже на западѣ теоріи первоначальнаго строя христіанской церкви, и ни въ одномъ пунктѣ не уступаетъ имъ въ своихъ достоинствахъ. Эта новая точка зрѣнія, проведенная въ изслѣдованіи В. Мышцына, особенно дорога для русскаго богословія. Безъ всякихъ предвзятыхъ тенденцій, путемъ лишь кропотливаго и точнаго изслѣдованія историческаго матеріала В. Мышцынъ приходитъ къ такимъ результатамъ, которые носятъ на себѣ традиціонный характеръ и ни въ чемъ не разногласятъ съ устоями православнаго церковнаго права. И если у насъ суждено развиться русскому національно-православному богословію, то изслѣдованіе В. Мышцына дѣлаетъ первый и очень удачный шагъ на этомъ пути.

До сихъ поръ мой, правда, очень затянувшійся отзывъ о диссертации В. Мышцына вращался лишь около сути, теоретической подпочвы ея содержанія, въ виду центрального значенія ея, но не обнималъ всей ея полноты. Каждый изъ доказываемыхъ въ ней тезисовъ изслѣдуется въ своихъ частныхъ проявленіяхъ, провѣряется и доказывается подробнымъ анализомъ всѣхъ памятниковъ исторической и частью канонической (Дидахе и т. н. правила церковныя—стр. 362) литературы, имѣющихъ то или другое отношеніе къ изучаемымъ вопросамъ. „Устройство христіанской церкви въ первые два вѣка“ обзрѣвается во всѣхъ подробностяхъ. Особые отдѣлы посвящены церковной самодѣятельности вѣрующихъ, ихъ участію въ богослуженіи, учительствѣ и управленіи (84—43), высшимъ харизматическимъ служеніямъ церкви—апостоламъ, пророкамъ, учителямъ и евангелистамъ (93—119), при чемъ въ послѣднемъ пунктѣ дѣлается серьезная попытка ослабить ту рѣзкую грань, которая обыкновенно проводится въ западной наукѣ между высшими харизматическими и мѣстными служеніями. Пользуясь всей обширной литературой, существующей на русскомъ (А. П. Лебедевъ), нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ, авторъ повсюду остается свободнымъ и независимымъ отъ нихъ, считается только съ источниками и на нихъ стремится основать свое сужденіе, посвящая особая страницы разбору наиболѣе популярныхъ въ современной наукѣ ги-

потезъ касательно первоначальнаго строя церкви—Хэтча, Гарнака и Вейцеккера (стр. 372 сл.). Вопреки существующимъ на западѣ теоріямъ о зависимости христіанскихъ должностныхъ учреждений отъ языческихъ и іудейскихъ, онъ энергично и основательно отстаиваетъ *самобытность* христіанскаго епископата и діаконата и допускаетъ лишь относительную связь христіанскаго пресвитерата съ іудейскимъ (стр. 412—428). Но установивъ оригинальность епископата и пресвитерата, онъ подробно раскрываетъ параллели въ церковномъ и общественно-государственномъ строѣ тогдашняго времени,—въ той области, „которая не имѣетъ прямой и необходимой связи съ догматическимъ и нравственнымъ содержаніемъ христіанства и не касается самаго существа конечныхъ цѣлей церкви“ (стр. 72). Это совершенно *новый* отдѣлъ, не встрѣчающійся или, точнѣе сказать, мало затронутый во всей существующей литературѣ. Масса и разнообразіе собраннаго въ немъ матеріала, всестороннее и художественное изображеніе параллелей между общественно-государственнымъ и внѣшнимъ строемъ церковной жизни дѣлаетъ страницы, посвященныя ему, не только новымъ вкладомъ въ науку, но оставляетъ въ читателѣ эстетическое наслажденіе (стр. 423—475).

Представляя собой, так. обр., совершенно новый научный фактъ въ области изслѣдованія истории первоначальнаго управленія христіанской церкви, диссертація В. Мышцына по своимъ научнымъ достоинствамъ вполне заслуживаетъ степени *доктора*, какимъ бы специальнымъ терминомъ ни квалифицировать ее, но такъ какъ по предмету своего содержанія она относится преимущественно къ области церковнаго права, то было-бы цѣлесообразнѣе со стороны Совѣта и соотвѣтственнѣе съ уставомъ Академіи присудить автору ея именно степень *доктора церковнаго права*“.

б) Экстраординарнаго профессора по кафедрѣ библейской исторіи А. И. Покровскаго:

„Долгое время въ наукѣ церковнаго права почти безраздѣльно царилъ взглядъ, въ силу котораго систематическую разработку этой науки начинали лишь съ IV вѣка, со времени официальнаго признанія церкви государствомъ и съ эпохи законодательной работы церкви на ея вселенскихъ и

помѣстныхъ соборахъ. Въ жизни церкви первыхъ трехъ вѣковъ, гонимой правительствомъ, а потому и немѣвшей легальнаго, правового положенія, защитники этого взгляда не усматривали необходимой канонической почвы, а при отсутствіи общецерковныхъ соборныхъ опредѣленій не находили и соответствующаго каноническаго матеріала для надлежащей научной обработки его въ курсахъ церковнаго права. Неудивительно, что, при такомъ взглядѣ на дѣло, начальная эпоха въ жизни христіанской церкви, періодъ трехъ первыхъ ея вѣковъ, почти вовсе не останавливалъ на себѣ вниманія прежнихъ канонистовъ. Апостольскій вѣкъ обычно выступалъ у нихъ въ формѣ бѣглаго очерка въ самомъ введеніи, а церковно-правовая организація II и III-го вѣковъ слегка затрогивалась лишь по одному пункту—по вопросу о происхожденіи трехстепенной іерархіи, который и рѣшался, болѣе или менѣе догматически, въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ конфессіональных убѣжденій автора.

Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы односторонняя узость такихъ взглядовъ не сознавалась и самими канонистами: наоборотъ, многіе изъ нихъ чувствовали ее довольно ясно и выражали это въ своихъ работахъ. Такъ, вѣское возраженіе по первому пункту—противъ неправильнаго суженія объема церковнаго права рамками лишь одной государственной религіи—мы видимъ въ трудахъ всѣхъ тѣхъ канонистовъ, которые рѣзко различаютъ внѣшнее и внутреннее право церкви и даже чуть-ли не отдають послѣднему предпочтенія предъ первымъ. Прекрасное выраженіе данной мысли находимъ мы, напримѣръ, въ лекціяхъ по церковному праву нашего покойнаго канониста—Н. К. Соколова: „находясь въ союзѣ съ государствомъ, церковь подчиняется ему во внѣшнемъ своемъ положеніи, въ политическихъ и гражданскихъ правахъ; но свою внутреннюю организацію она вырабатываетъ изъ себя и можетъ осуществлять ее (какъ и осуществляла въ исторіи трехъ первыхъ вѣковъ, какъ осуществляетъ и теперь, отказываясь отъ всякихъ государственныхъ привиллегій, напр. въ Шотландіи) безъ признанія со стороны государства“ ¹⁾. Еще сильнѣе подчеркиваетъ ту же самую мысль и другой видный современный канонистъ—

¹⁾ Н. К. Соколовъ. Изъ лекцій по церковному праву. 29 стр. Москва 1874 г.

Еп. Никодимъ Милошъ, который въ трактатѣ объ источникахъ церковнаго права самымъ лучшимъ доказательствомъ ихъ самобытности считаетъ исторію церкви первыхъ трехъ вѣковъ. „Изъ нея мы видимъ, говоритъ преосвящ. авторъ,— что это самое право самостоятельно существовало и развивалось въ теченіе цѣлыхъ трехъ вѣковъ,—первыхъ трехъ вѣковъ христіанства, когда государство не только не помогало церкви, но не признавало за ней юридическаго существованія“¹⁾. Отсюда ясно, что ссылка на отсутствіе необходимой канонической почвы въ исторіи древней, гонимой правительствомъ, церкви лишена всякаго серьезнаго значенія.

Болѣе основательно и серьезно другое возраженіе противъ включенія въ объемъ каноническаго права исторіи первыхъ трехъ вѣковъ, опирающееся на полное будто бы отсутствіе въ ней устойчиваго церковно-правоваго и солиднаго соборно-каноническаго матеріала. Выразительную жалобу этого рода встрѣчаемъ мы у нашего почтеннаго канониста—проф. Н. А. Заозерскаго, который въ одномъ мѣстѣ своей докторской диссертации не только констатируетъ указанный фактъ, но выясняетъ и его причины—„трудно, да едва ли въ настоящее время и возможно, говоритъ онъ, точно исторически прослѣдить, какъ и какъ скоро послѣ апостоловъ осуществился этотъ планъ (рѣчь идетъ о каноническихъ основахъ епархіальнаго устройства) въ томъ видѣ, въ какомъ церковное устройство выступаетъ фактически существующимъ въ древнѣйшихъ памятникахъ церковнаго законодательства и обычнаго права—въ „Канонахъ и Уставахъ апостольскихъ“ (*Κανόνες καὶ Διατάξεις τῶν Ἀγίων Ἀποστόλων*)²⁾. Нашъ уважаемый канонистъ былъ вполне правъ, когда писалъ эти слова, такъ какъ реконструкція церковной жизни первыхъ трехъ вѣковъ въ то время представляла собой еще довольно пестрый хаосъ различныхъ мнѣній и догадокъ, изъ которыхъ, дѣйствительно, трудно и даже почти невозможно было извлечь какіе-либо цѣнные, положительные результаты. Но то, что было трудно и даже едва ли возможно 15—20 лѣтъ тому назадъ, то самое радикально измѣнилось теперь, благодаря

¹⁾ *Никодимъ, еп. Далматинскій. Православное церковное право; стр. 13 СПБ. 1897 г.*

²⁾ *Проф. Н. А. Заозерскій. „О церковной власти“ стр. 87-я. Сергіевъ Посадъ, 1894 г.*

огромному прогрессу церковно-исторической науки, въ особенности, въ области спеціального изслѣдованія начальныхъ вѣковъ христіанской эры. Дружныя усилія цѣлаго ряда ученыхъ историковъ и канонистовъ (I. Reville, Pflleiderer, Seyerlen, Loening, Lindsay, Lourie, Michelis, Zückler, Weizsaecker, Knopf, Bardenhewer, Dobschütz, Funk, R. Sohm etc.) во главѣ съ знаменитымъ Гарнакомъ такимъ яснымъ и сильнымъ свѣтомъ освѣтили теперь бывшую прежде темной начальную исторію христіанской церкви, что ссылка на неполноту, неправильность, тѣмъ болѣе на отсутствіе достовѣрныхъ свѣдѣній объ этомъ періодѣ теряетъ теперь прежнюю убѣдительность и силу.

Поэтому и въ работахъ новѣйшихъ западныхъ канонистовъ мы замѣчаемъ теперь уже совсѣмъ иное, крайне внимательное отношеніе къ канонической организаціи древней церкви. Параллельно съ этимъ въ значительной мѣрѣ мѣняется и самое опредѣленіе объема и задачъ церковнаго права, гдѣ каноническая организація церкви первыхъ трехъ вѣковъ не только не игнорируется, но выдвигается чуть не на первый планъ. Наиболѣе рѣшительное заявленіе въ указанномъ смыслѣ дѣлаетъ извѣстный современный канонистъ Рудольфъ Зомъ, который въ предисловіи къ своему капитальному каноническому труду „Kirchenrecht: 1. Die geschichtlichen Grundlagen. Leipzig, 1902“ (есть и русскій переводъ А. Петровскаго и П. Флоренскаго, изд. Религіозно-общ. библіотеки,— „Церковный строй въ первые вѣка христіанства“ Москва, 1906 г.), говоритъ буквально слѣдующее: „исторія церковнаго права имѣетъ своей задачей сдѣлать возможнымъ пониманіе нынѣ дѣйствующаго церковнаго права, выявить историческія основы (Grundlagen), изъ которыхъ возникла вся правовая жизнь современности... Съ этой точки зрѣнія, читаемъ мы у него дальше, конечно, величайшее значеніе выпадаетъ на долю первыхъ христіанскихъ временъ. Какія идеи относительно внѣшней организаціи получила церковь отъ своего Господа и Учителя и довела до осуществленія въ дни первохристіанства?... Какъ случилось, что образовалось церковное право и какое дѣйствіе оказали первоначальныя христіанскія идеи на образующееся церковное право и на все послѣдующее развитіе отъ начала до нашихъ дней?“¹⁾

¹⁾ См. русскій переводъ, предистозіе, стр. 4-я.

Въ своемъ увлеченіи важностью, именно, этого начальнаго періода древне-церковной жизни Р. Зомъ доходитъ даже до того, что онъ готовъ „перемѣстить теперь исходный пунктъ исторіи церковнаго устройства на древнѣйшее время“¹⁾. И это онъ мотивируетъ тѣмъ совершенно основательнымъ соображеніемъ, что „въ теченіе трехъ первыхъ вѣковъ имѣло мѣсто неизмѣримо важное развитіе церкви въ области какъ ученія, такъ и устройства. *Все послѣдующее*—выразительно подчеркивается у Зомы—зависитъ отъ нихъ. Отказъ отъ самостоятельнаго изслѣдованія перваго времени есть отказъ отъ рѣшенія задачи, поставленной здѣсь наукой“²⁾. И вотъ, какъ мы уже это видѣли, навстрѣчу такому болѣе широкому и истинно-научному пониманію задачъ церковнаго права выступилъ цѣлый рядъ блестящихъ западныхъ церковныхъ историковъ и канонистовъ, возглавляемыхъ Гарнакомъ и Зомомъ.

Къ сожалѣнію наша русская церковно-историческая и каноническая наука долгое время ничѣмъ не отзывалась на это крупное новое движеніе въ области западнаго историко-каноническаго изслѣдованія. Первымъ откликомъ на него явилась церковно-историческая монографія нашего недавно почившаго историка—А. П. Лебедева: „Духовенство древневселенской церкви (отъ временъ апостольскихъ до IX вѣка)“. Москва, 1905 г. Историческіе очерки. Въ этой свѣжей, живой и интересной работѣ авторъ ея съ присущимъ ему научно-популяризаторскимъ талантомъ мастерски обрисовалъ умственное, нравственное, матеріальное и правовое положеніе духовенства за исторію цѣлыхъ девяти вѣковъ. Хотя и церковно-правовая жизнь первыхъ трехъ вѣковъ нашла себѣ здѣсь довольно детальное и выпуклое отображеніе, однако она разсматривается здѣсь не спеціально, а между прочимъ, лишь какъ одна изъ многихъ сторонъ большого и сложнаго цѣлаго; а главное—она трактуется здѣсь подъ угломъ зрѣнія историка церкви, а не ея канониста.

Другимъ серьезнымъ и крупнымъ трудомъ, спеціально посвященнымъ изслѣдованію праваго строя древней церкви, является подлежащая нашему разбору церковно-кано-

¹⁾ Тамъ же, стр. 6-я.

²⁾ Тамъ-же, 7-я стр.

ническая монографія г. Мышцына: „Устройство христіанской церкви въ первые два вѣка“. Сергіевъ Посадъ, 1909 г. XII+475 стр.

Экономя свой трудъ и время, мы воздержимся отъ соблазна изложить хотя бы въ сжатыхъ чертахъ самое содержаніе этой новой интересной ученой работы, и перейдемъ прямо къ ея характеристикѣ и оцѣнкѣ, причемъ, сначала, скажемъ нѣсколько словъ объ общемъ ея характерѣ и духѣ, а затѣмъ укажемъ наиболѣе видныя ея достоинства и нѣкоторыя замѣченные нами ея недостатки.

Первое, общее впечатлѣніе, которое мы получили отъ бѣлаго знакомства съ книгой г. Мышцына, это—то, что она написана очень консервативно, а потому какъ будто-бы недостаточно критично и научно. Въ самомъ дѣлѣ, многими своими тезисами книга идетъ противъ тѣхъ положеній, которыя успѣли уже войти въ научный обиходъ и опровергать которыя можно только съ извѣстной долей риска для своей ученой репутаціи. Такова, напр., основная идея книги г. Мышцына, что монархическій епископатъ ведетъ свое начало отъ самихъ апостоловъ, а не выросъ изъ коллегіальнаго пресвитерата путемъ постепенной эволюціи, что между харизматическими и должностными служеніями не было рѣзкаго, коренного различія, что учительство епископа лежало въ самой природѣ его пастырскихъ обязанностей, а не присоединилось къ нему позднѣе, послѣ упадка свободныхъ служеній, что христіанскія общины никогда не были въ строгомъ смыслѣ самоуправляющимися общинами, такъ какъ надъ ними всегда стоялъ авторитетъ служителей церкви и т. п. довольно консервативныя и въ научномъ отношеніи нельзя сказать чтобы не рискованныя утвержденія.

Но такое первоначальное, не совсѣмъ выгодное для автора, впечатлѣніе отъ его книги постепенно сглаживается и исчезаетъ, по мѣрѣ дальнѣйшаго болѣе внимательнаго и глубокаго изученія ея, которое въ концѣ концовъ замѣняется противоположнымъ чувствомъ — уваженія предъ научными достоинствами книги и чуткостью ея автора. Авторъ, какъ видно изъ его книги, прекрасно знакомъ со всѣми ходячими отрицательными взглядами протестантской церковно-исторической критики; онъ не только нигдѣ ихъ не замалчиваетъ и не прячетъ, но наоборотъ, пользуется всякимъ удобнымъ

случаемъ для детальнаго ихъ анализа и разбора. Говорить ли онъ о подлинности какого-либо изъ апостольскихъ посланій, изслѣдуетъ ли вопросъ о мѣстѣ и времени появленія извѣстнаго церковно-историческаго памятника, рѣшаетъ ли проблему о взаимоотношеніи древняго епископата и пресвитерата,—вездѣ онъ непремѣнно, и въ самомъ текстѣ, и подъ строкою, считаетъ своимъ долгомъ отмѣтить, по возможности, всѣ важные враждебные для него взгляды и не просто лишь отмѣтить, но и дать ихъ критическій анализъ, показать ихъ тенденціозность, неосновательность и ложность, или, по меньшей мѣрѣ, ихъ гипотетическую шаткость. Не довольствуясь такимъ разбросаннымъ и дробнымъ опроверженіемъ прежнихъ отрицательныхъ взглядовъ, г. Мышцынъ даетъ критико-полемическую сводку ихъ въ особой, заключительной главѣ, которая потому и носитъ специальное заглавіе: „Общая заключенія о происхожденіи епископата“ (VI гл.). Авторъ начинаетъ эту, наиболѣе характеристичную для него, главу съ указанія на то, что, „какъ извѣстно, вся протестантская наука до послѣдней четверти XIX в. признавала полное тождество обоихъ терминовъ (т. е. „епископъ“ и „пресвитеръ“), утверждая, что въ первоначальной церкви существовали лишь двѣ іерархическія степени. Въ новое время явилось не мало и католическихъ ученыхъ, которые подобно протестантскимъ настаиваютъ на тождествѣ терминовъ „пресвитеръ“ и „епископъ“, доказывая, что въ древнѣйшихъ христіанскихъ памятникахъ эти термины безразлично обозначаютъ вторую степень священства—пресвитеровъ“... (Bruder, Michiels)¹⁾. Далѣе, на пространствѣ двѣнадцати страницъ, нашъ авторъ довольно подробно критически разбираетъ главнѣйшіе доводы защитниковъ этого взгляда, въ результатѣ чего онъ и приходитъ къ тому выводу, что по свидѣтельству древнихъ документовъ епископы, дѣйствительно, носили еще и имя пресвитеровъ, понимаемыхъ не въ специальномъ, но въ обширномъ смыслѣ этого слова; но отсюда отнюдь еще не слѣдуетъ того, что и всѣ пресвитеры могли называться епископами, что, вообще говоря, не существовало никакого различія между этими двумя терминами и обозначаемыми ими понятіями. Развивая послѣ этого свой собствен-

¹⁾ В. Мышцынъ, 372—373 стр.

ный взглядъ, противоположный только что указанному— о самостоятельности и раздѣльности этихъ іерархическихъ степеней, авторъ солидно аргументируетъ свой взглядъ, опираясь на анализъ книги Дѣяній апостольскихъ, на посланіе ап. Іакова, на цѣлый рядъ посланій ап. Павла (Римл., Коринѣ., Галат., Ефес., Филип., пастыр. посл., Евреямъ) и въ особенности на посланіе св. Игнатія Богоносца. Здѣсь умѣстно отмѣтить, что всѣ свои взгляды на эти источники г. Мышцынъ высказываетъ не догматически, а послѣ тщательнаго критическаго ихъ изслѣдованія и опираясь на такіе надежные авторитеты, признающіе подлинность указанныхъ источниковъ, какъ Клемень, Гильгенфельдъ, Ревилль, Цанъ, Вейссъ, Юлихеръ и самъ Гарнакъ. Особенно важное значеніе и вполне заслуженно усваиваетъ нашъ авторъ посланіямъ Игнатія Богоносца, подлинность которыхъ, послѣ долгихъ споровъ, тянувшихся почти три вѣка, благодаря работамъ Цана, Ляйфута, Ревилля, Функа и Гарнака, получила въ настоящее время почти общее научное признаніе. Въ результатъ такой продолжительной и кропотливой научно-критической работы, авторъ получилъ право на выводъ, что „древнѣйшіе христіанскіе памятники болѣе благопріятствуютъ различію, чѣмъ отождествленію пресвитеровъ и епископовъ“ (384 стр.). А это утвержденіе, легшее какъ бы краеугольнымъ камнемъ въ основу всей его постройки, дало ему возможность утвердить на немъ, чисто логическимъ, естественнымъ путемъ, и цѣлый рядъ другихъ положеній, связанныхъ съ коренной проблемой о взаимныхъ отношеніяхъ епископовъ и пресвитеровъ.

Такое изначальное различіе двухъ высшихъ іерархическихъ степеней, повелительно диктуемое памятниками древнецерковной литературы, „не могло, по выраженію г. Мышцына, укрыться отъ вниманія протестантскихъ ученыхъ. Оно вызвало среди нихъ въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія сильное движеніе въ пользу признанія первоначальнаго епископата, отличнаго отъ пресвитерата“ (385 стр.). Начало этому движенію положилъ въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія англійскій ученый—Эчъ (по неправильному чтенію автора—Гатчъ), его теорію развилъ и укрѣпилъ Гарнакъ, а ихъ взгляды поправилъ и дополнилъ Вейцзеккеръ. Нашъ авторъ, довольно подробно излагая мнѣнія каждаго изъ этихъ

ученыхъ, указываетъ ихъ слабыя пункты, вноситъ къ нимъ свои поправки и опирается на ихъ твердые, положительныя результаты. Такъ что и основная собственная концепція г. Мышцына, конечно, не безъ серьезныхъ оговорокъ, примыкаетъ ко взглядамъ этихъ выдающихся ученыхъ (имѣемъ въ виду больше установку самаго факта раздѣльнаго существованія іерарх. степеней, чѣмъ выясненіе его причинъ, которое у г. Мышцына глубже и вѣрнѣе) и, слѣдовательно, онъ отражаетъ на себѣ тотъ крупный рѣшительный поворотъ въ сторону ортодоксіи, который за послѣднее время наблюдается въ серьезныхъ трудахъ многихъ корифеевъ западной церковно-исторической и канонической науки. Отсюда становится яснымъ, что та кажущаяся не критичность и мнимый консерватизмъ, которые подъ первымъ впечатлѣніемъ отъ книги представлялись ея серьезными научными дефектами, на самомъ дѣлѣ являются ея крупными положительными достоинствами, такъ какъ, съ одной стороны, они свидѣлствуютъ о *научной чуткости* автора и его способности отзываться на прогрессъ новѣйшей церковно-исторической науки, а съ другой—говорятъ о *научной свободѣ* и широтѣ его взглядовъ, чуждыхъ рабства какимъ бы то ни было, хотя бы и моднымъ, либеральнымъ взглядамъ, разъ они не имѣютъ подъ собой твердой, научной почвы.

Переходя, теперь, къ болѣе детальному изложенію положительныхъ сторонъ книги г. Мышцына, мы, прежде всего, считаемъ долгомъ указать на высокое научное достоинство принятаго имъ метода изслѣдованія. Обычно въ работахъ этого типа идутъ однимъ изъ двухъ путей: или критическимъ путемъ, когда проводятъ свой взглядъ черезъ критику чужихъ, встрѣчныхъ взглядовъ, или положительнымъ путемъ, когда утверждаютъ свои обобщенія и выводы на общей картинѣ древне-церковной жизни, заимствуя краски для этой картины изъ самаго разнообразнаго церковно-историческаго матеріала. Нашъ авторъ сознательно не пошелъ ни однимъ изъ указанныхъ путей: первымъ—потому, что онъ, въ концѣ концовъ, безрезультатенъ, по безконечному множеству и пестрому разнообразію встрѣчныхъ мнѣній; вторымъ—потому, что онъ слишкомъ широкъ и нерѣдко субъективно-произволенъ. Взамѣнъ этого онъ избралъ третій, наиболѣе цѣлесообразный и плодотворный методъ работы, со-

стоящій въ тщательномъ и послѣдовательномъ анализѣ древнѣйшихъ памятниковъ христіанской церковной письменности, взятыхъ въ ихъ исторической обстановкѣ. Благодаря такому методу, вся работа автора основана не на пустой логикѣ и не на случайномъ или произвольномъ подборѣ церковно-историческаго матеріала, а на солидномъ фундаментѣ самаго текста древнѣйшихъ церковныхъ памятниковъ, отразившихъ на себѣ современный имъ церковно-каноническій строй.

Нельзя при этомъ не отмѣтить, что въ обращеніи съ этими первоисточниками авторъ проявилъ высокую критическую осторожность и показалъ хорошіе научные приемы. Обычно, прежде чѣмъ пользоваться матеріаломъ какого-либо источника, будетъ ли то какая-либо изъ новозавѣтныхъ книгъ, или что-либо изъ древне-церковныхъ посланій и писаній, авторъ съ большей или меньшей подробностью изслѣдуетъ вопросъ о подлинности этого источника, о мѣстѣ и времени его появленія, поводѣ и цѣли его написанія, причѣмъ здѣсь онъ попутно ведетъ и критическій разборъ мнѣній, несогласныхъ съ его взглядомъ, утверждая этотъ послѣдній на тщательномъ внутреннемъ анализѣ языка и идей памятника и на солидныхъ внѣшнихъ свидѣтельствахъ о немъ (см. напр. страницы 4, 61, 79—81, 82—83, 147, 192—193, 215—218, 272—274, 297—310, 316, 344, 362 и др.). Уже послѣ такой всесторонней научно-критической апробаціи извѣстнаго памятника, онъ приступаетъ къ использованію его матеріала для своихъ цѣлей. Но и здѣсь нашъ авторъ крайне остороженъ и научно объективенъ въ своихъ выводахъ. Этого онъ достигаетъ черезъ правильную историческую интерпретацію самаго содержанія того или другого памятника: онъ исходитъ изъ общей мысли или основной идеи даннаго памятника, беретъ во вниманіе всѣ частныя и случайныя его моменты, обусловленные мѣстомъ, временемъ, адресатомъ и непосредственнымъ поводомъ написанія памятника, вскрываетъ внутреннюю связь его съ другими, близкими съ нимъ по времени и особенно по мѣсту памятниками, и уже послѣ такой сложной и кропотливой работы позволяетъ себѣ извлекать отсюда какіе-либо твердые, положительныя выводы. Даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ прямой матеріалъ памятника не давалъ ему достаточно фактическаго матеріала и гдѣ

онъ по необходимости принужденъ былъ прибѣгать къ догадкамъ, онъ все же старался опереть эти догадки на какія-либо косвенныя показанія памятника, привлекая для освѣщенія ихъ соотвѣтствующій матеріаль изъ другихъ, синхронистичныхъ съ нимъ памятниковъ (см. напр. стр. 26, 43, 47, 63, 125, 135, 142, 210, 264 и мн. др.). Однимъ словомъ, авторъ все время старается держаться, насколько это возможно, твердой почвы документовъ и въ этомъ мы полагаемъ одну изъ главнѣйшихъ заслугъ его работы.

Такой строго-научный методъ изслѣдованія сообщилъ работѣ автора много цѣнныхъ положительныхъ достоинствъ: онъ спасъ ее отъ соблазна слишкомъ широкихъ и произвольныхъ концепцій, онъ придалъ ей основательность и документальность, онъ открылъ ей возможность критической оцѣнки наиболѣе типичныхъ встрѣчныхъ взглядовъ, онъ помогъ ей уловить мѣстный, временный и случайный колоритъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ показаній древнихъ памятниковъ, которымъ прежде придавали болѣе общій характеръ (напр. специфич. колоритъ посл. ап. Іакова—63—67, индивидуальный и мѣстный характеръ посл. ап. Павла къ Коринтянамъ—83—84, особый характеръ посланій св. Игнатія Богоносца—293 стр. и слѣд.), онъ строго очертилъ самыя рамки изслѣдованія предѣлами имѣющихся памятниковъ и онъ же, наконецъ, далъ самыи естественный и логичный планъ всей работѣ автора, на чемъ мы считаемъ нужнымъ остановиться поподробнѣе.

Планъ работы автора опредѣлился, какъ видно изъ нея, двумя главными критеріями: однимъ, уже извѣстнымъ намъ, послужилъ матеріаль взятыхъ имъ древне-церковныхъ памятниковъ, точнѣе даже—самая хронологія этихъ памятниковъ, поскольку она отразила на себѣ постепенный ростъ запечатлѣвашагося въ нихъ церковно-правового строя. Другимъ критеріемъ, сыгравшимъ въ работѣ автора не менѣе видную роль и выдвинутымъ имъ съ особой силой, является его тезисъ—о различіи мѣстныхъ особенностей правового строя разныхъ церквей, при единствѣ основного, проникающаго ихъ духа. Этотъ послѣдній, весьма важный и плодотворный принципъ, особенно въ работахъ подобнаго типа, т. е. прослѣживающихъ исторію какой-либо организаци, долженъ быть поставленъ, по нашему мнѣнію, въ новую

крупную заслугу автора. Въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ въ работахъ нашихъ церковныхъ историковъ и канонистовъ по вопросу о церковной организаціи первыхъ трехъ вѣковъ примѣнялся тотъ же самый взглядъ, что и къ послѣдующей эпохѣ церковной жизни, начиная съ IV вѣка, т. е., исходили изъ молчаливо принятаго убѣжденія, что каноническая организація древней церкви была столь же повсюду однообразна, какой она выступаетъ и во все послѣдующее время. Но не говоря уже о томъ, что подобный догматическій тезисъ нуждается въ серьезномъ ограниченіи и въ приложеніи къ позднѣйшей эпохѣ (мѣстныя особенности церкви Рима, Константинополя, Александріи и пр.), онъ еще менѣе допустимъ относительно древней церкви, гдѣ еще не было строгой и стереотипной внѣшней регламентаціи и гдѣ полный просторъ имѣли различныя индивидуальныя мѣстныя особенности. А между тѣмъ, какъ это ни странно, но не только наши и католическіе, но даже и протестантскіе ученые сильно погрѣшаютъ въ данномъ смыслѣ, когда слишкомъ рано догматически закрѣпощаютъ церковное устройство въ однообразныя формы и въ силу этого игнорируютъ всѣ мѣстныя и индивидуальныя различія различныхъ церковныхъ общинъ, въ разное время ихъ исторической жизни. Данъ этому заблужденію заплатилъ даже и самъ Зомъ, который, хотя и упрекаетъ католическую церковь за излишній и преждевременный догматизмъ, однако, въ извѣстной мѣрѣ, и самъ подпадаетъ тому же самому упреку. При всемъ своемъ уваженіи къ Зому, нашъ авторъ подчеркиваетъ у него эту ошибку и основательно ее разоблачаетъ. „Чрезмѣрный догматизмъ составляетъ существенный недостатокъ въ построеніи Зомы, читаемъ мы въ книгѣ г. Мышцына. Главная его ошибка въ данномъ случаѣ въ томъ, что согласнымъ съ ученіемъ Христа... онъ признаетъ лишь *одинъ* порядокъ. Нѣтъ сомнѣнія, что весь христіанскій строй покоится такъ или иначе на извѣстныхъ догматическихъ или этическихъ началахъ. Но онъ отнюдь не составляетъ прямого логическаго вывода изъ нихъ, а служитъ лишь примѣненіемъ ихъ къ условіямъ времени и мѣста. Отсюда, что въ одномъ случаѣ и въ отношеніи къ однимъ людямъ является цѣлесообразнымъ въ христіанскомъ смыслѣ, то для другихъ можетъ быть неполезнымъ. Одна цѣль, одинъ принципъ можетъ

осуществляются въ зависимости отъ историческихъ, этнографическихъ, политическихъ, индивидуальных особенностей до противоположности разнообразными средствами, порядками, „рѣшеніями“ (103 стр.). И надо отдать справедливость автору, самъ онъ неуклонно остается вѣренъ данному принципу и благодаря ему достигаетъ многихъ прекрасныхъ результатовъ. Такъ, напр., благодаря именно этому принципу автору удается устранить мнимое противорѣчіе по вопросу объ апостольскомъ соборѣ между повѣствованіями кн. Дѣяній (XV гл.) и посланія ап. Павла къ Галатамъ (II г. 2—8 стр.), подмѣтить особый характеръ посланія ап. Іакова (62—63 стр.), отгнѣнить спеціальныи колоритъ посланій Ігнатія Антиохійскаго (антидокетическій—295 и сл.) и проч. и проч. Авторъ твердо помнитъ и постоянно отмѣчаетъ, что въ Іерусалимской церкви существовали одни традиции и взгляды, въ Малоазійскихъ церквахъ—другіе, въ церквахъ Коринфеа или Рима—третьи и т. д. Благодаря всему этому, въ его работѣ получилась не отвлеченная, теоретическая схема, составленная по какому-то априорному шаблону, а живая, реальная, богатая сочными красками картина церковнаго строя первыхъ вѣковъ, отражающая на себѣ его общую эволюцію въ разнообразіи частныхъ деталей различныхъ мѣстъ и эпохъ.

Примѣненіе, именно, этого принципа и сообщило работѣ автора тотъ ясный и строго логичный планъ, въ порядкѣ котораго онъ ведетъ свое изслѣдованіе, говоря сначала объ особенностяхъ Іерусалимской церкви (I гл.), затѣмъ—объ организаціи различныхъ внѣ-палестинскихъ церквей, до 63-го года (II гл.), отъ 63-го г. до конца 1-го в. (III гл.), въ первую половину 2-го в. (IV гл.) и во вторую его половину (V гл.). Столь же естественны и логичны и двѣ послѣднихъ, заключительныхъ главы сочиненія, изъ которыхъ одна, какъ мы уже знаемъ, подводитъ итоги ко всему ранѣ сказанному относительно главной проблемы книги — о происхожденіи и развитіи епископата и его взаимоотношеніи съ пресвитератомъ (VI гл.); а другая представляетъ опытъ рѣшенія другой, важной проблемы объ отношеніи церковнаго устройства къ строю общественному и государственному въ первые два вѣка (VII гл.). Нельзя не пожалѣть только, что эта послѣдняя проблема—огромная по своему значенію и объему,—

рѣшается г. Мышцынымъ ужь слишкомъ коротко и сжато, всего на пространствѣ съ небольшимъ 60-ти страничекъ; тогда какъ она требовала бы несравненно болѣе внимательнаго и обстоятельнаго изслѣдованія.

Чтобы закончить свою рѣчь о крупныхъ научно-методологическихъ достоинствахъ разсматриваемой нами работы, мы должны отбѣнить осмотрительность и осторожность автора въ выводахъ (напр. стр. 45, 69, 79, 85—86, 119 и др.), его заботливое вниманіе ко всякому чужому мнѣнію, попавшему въ поле его зрѣнія (стр. 60, 75—76, 79, 188—9, 209, 269—272 и др.), его умѣнье пользоваться слабостями своихъ противниковъ и искусство поражать ихъ ихъ же собственнымъ оружіемъ (82, 110 стр. и др.), ясность и логичность его мысли, выразительность и силу его языка, въ особенности его похвальный обычай дѣлать обстоятельное резюме въ заключеніе всѣхъ, болѣе важныхъ отдѣловъ своей книги (см. 73—77, 156, 248—249, 341, 371, 411, 469 стр.). Благодаря всему этому, книга г. Мышцына усваивается скоро и легко и, хотя написана она по довольно специальному вопросу, однако вполне доступна пониманію средне-образованнаго человѣка и можетъ представить для него даже не лишнее интереса чтеніе.

Изъ числа внутреннихъ, предметныхъ достоинствъ диссертациі г. Мышцына, относящихся къ самому существу взятой имъ темы, укажемъ прежде всего на постоянно обнаруживаемое имъ *серьезное и глубокое знаніе идей и языка Св. Писанія*, какъ Новаго, такъ равно и Ветхаго Завѣта. Это сказалось у него, главнымъ образомъ, въ установкѣ точнаго подлиннаго смысла многихъ, весьма важныхъ терминовъ древней церкви, коренящихся въ библейскомъ міровоззрѣніи не только Новаго, но даже и Ветхаго Завѣта. Лучшей иллюстраціей сего можетъ служить обстоятельный, текстуально-филологическій и библейско-историческій комментарий такихъ терминовъ, какъ *ἀρεσις* (11 стр.), *νεώτεροι* (23 стр.), *διαχορία* (26, 29—30, 129, 134—135 стр.), *ἀρχιερεῖς καὶ προεβύτηροι* (46—47 с.), *συναγωγή* (65 с.), *λειτουργία* и *λειτουργεῖν* (113 с.), *ἡγούμενοι* (118, 176 с.), *διδάσκαλος* (114 с.), *κολίαι* (121 с.), *προϊστάμενοι* (124 с.), *κυβερνήται* (125 с.), *ποιμένες* (137 с.), *ἐπίσκοπος* (142—143 и 153 с.), *οἰκονομία* (392 с.) и мн. др. Сюда также относится глубоко вскрытая авторомъ связь многихъ новозавѣтныхъ идей, вѣрованій и установленій съ ветхоза-